

Мальчики Берджессы

Автор:

Элизабет Страут

Мальчики Берджессы

Элизабет Страут

Джим и Боб Бёрджессы давно покинули родной городок в штате Мэн. Смерть их отца была трагической, и ни один из братьев до сих пор не пережил ее, оба так и живут с травмой в душе. Первый – успешный адвокат, прагматичный и циничный, второй – незадачливый юрист, добродушный, с несложившейся личной жизнью. Спустя годы братья вынуждены вернуться в родительский дом, чтобы разобраться с историей, в которую угодил еще один Бёрджесс – их племянник. И все, что, как им казалось, они сумели забыть, оставить в прошлом, наваливается с новой силой. В этом романе, как и в культовой «Оливии Киттеридж», Элизабет Страут проникает в самую суть природы семьи с ее радостями и страданиями, обидами и жертвенностью, тайнами и разоблачениями.

Элизабет Страут

Мальчики Бёрджессы

Моему мужу Джиму Тирни

© Евгения Алексеева, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

Пролог

Мы с мамой частенько говорили о Бёрджессах. Мама называла их «дети Бёрджессы». Разговаривали мы в основном по телефону: я жила в Нью-Йорке, она – в штате Мэн. Иногда мы вспоминали их и при встрече, когда я приезжала в Мэн и останавливалась в гостинице. Мама редко бывала в гостиницах; мы любили усесться в номере, где по зеленым обоям тянулся бордюр из розовых цветочков, и болтать о прошлом, о тех, кто уехал из Ширли-Фоллз, и тех, кто остался.

– Я тут думала про детей Бёрджессов... – начинала обычно мама, отодвигая занавеску и глядя на березы за окном.

Случившееся с Бёрджессами так на нее повлияло, потому что об их несчastьях знал весь город, к тому же все трое когда-то учились у мамы в четвертом классе воскресной школы. Братья были ее любимчиками. Джим уже тогда отличался тяжелым нравом, но мама видела, что он пытается держать себя в руках. Боба она любила за доброту, а вот Сюзан ей не нравилась.

– Насколько я знаю, Сюзан вообще никому не нравилась, – говорила мама.

– Она была такая хорошенькая в детстве, – вспоминала я. – Кудряшки, глаза огромные...

– А потом родила чокнутого мальчика.

– Грустная история.

– В жизни полно грустных историй, – отвечала мама.

К тому времени мы обе уже овдовели, и после этих слов всегда воцарялось молчание. Потом я или мама замечала, как здорово, что Боб наконец встретил хорошую женщину. Вторая – и мы надеялись, что последняя, – жена Боба была священницей унитарной церкви. Мама не любила унитариев, называла их атеистами, которые не хотят остаться без рождественского веселья, но Маргарет Эставер была родом из Мэна и потому казалась вполне достойным

выбором.

– Боб ведь мог найти себе жену в Нью-Йорке, – говорила мама, – он прожил там столько лет. Вот Джим женился на этой снобке из Коннектикута, и посмотри, чем все закончилось.

Конечно, мы много говорили о Джиме, о том, как он покинул Мэн, поработав в отделе убийств прокуратуры штата, как мы надеялись, что он будет баллотироваться в губернаторы, и как неожиданно для всех он передумал. И конечно, мы часто вспоминали, каким он был в тот год, когда шел процесс над Уолли Пэкером. Джим тогда что ни день появлялся в новостях. В ту пору еще только-только разрешили показывать судебные процессы по телевизору, и через несколько лет О. Джей Симпсон в памяти многих затмил Уолли Пэкера. Но в тот год поклонники Джима Бёрджесса во всех уголках страны с восторгом следили за тем, как он добивался оправдания соул-певца Уолли, человека[1 - Орентал Джеймс Симпсон – знаменитый игрок в американский футбол, которого в 1994 г. обвинили в убийстве жены и ее любовника. В итоге Симпсона оправдали – согласно распространенному мнению, лишь благодаря мастерству его адвокатов из т. н. «команды мечты». – Здесь и далее примеч. перев.] с добрым лицом, под чей хриплый голос («Сними с меня этот груз, груз моей любви») большинство моих ровесников впорхнуло во взрослую жизнь. Пэкера обвиняли в том, что он заказал убийство своей белой подружки. Джим добился, чтобы суд проходил в Хартфорде, где расовые вопросы стоят очень остро, и мастерски подобрал состав присяжных. Он безжалостно и красноречиво разнес все аргументы обвинения, продемонстрировав, насколько обманчива та материя, в которой переплетаются – или, по утверждению Джима, не переплетаются, как в данном случае, – основные составляющие преступления: намерение и действие. В федеральной прессе даже появились карикатуры на эту тему. На одной из карикатур была изображена женщина, которая смотрит на беспорядок в гостиной, а ниже стояла подпись: «Если мне хочется, чтобы в комнате было чисто, когда же в ней наконец станет чисто?» Судя по опросам общественного мнения, большинство людей – и мы с мамой в их числе – считали, что Уолли Пэкер виновен. Но Джим прекрасно выполнил свою работу и прославился. (Несколько журналов упомянули его в числе секс-символов 1993 года, и даже моя мама, которую вообще корбило от слова «секс», не стала выражать досады по этому поводу.) На ведущих телеканалах обсуждали, что О. Джей Симпсон хочет видеть Джима в своей «команде мечты», лагерь Бёрджесса воздержался от комментариев, и все решили, что Джим почивает на лаврах. Процесс над Пэкером стал для нас с мамой основной темой для разговоров в тот период, когда мы обе были не слишком-то довольны друг другом. Но это уже в прошлом.

Теперь, уезжая из Мэна, я целовала маму и говорила, что люблю ее, и она отвечала мне тем же.

Однажды я позвонила ей из Нью-Йорка, стоя у окна своей квартиры на двадцать шестом этаже и любуясь, как опускаются сумерки и на раскинувшемся вокруг меня поле высотных зданий светлячками вспыхивают вечерние огни.

– Помнишь, мать водила Боба Бёрджесса к психотерапевту? – спросила я. – Дети болтали на площадке, что Бобби ходит к доктору для психов.

– Дети – это кошмар, – сказала мама. – Вот ей-богу.

– Ну, в то время в наших краях не было принято ходить по психотерапевтам, – заметила я.

– Да, сейчас все иначе. Я общалась с людьми на танцах – многие таскают детей к мозгоправу и пичкают таблетками. И не считают нужным держать это в секрете.

– А ты помнишь отца Бёрджессов?

Я не раз ее об этом спрашивала. Мы с мамой любили говорить об одном и том же.

– Помню. Высокий. Работал на фабрике. Вроде начальником цеха. А потом она осталась совсем одна.

– И больше никогда не вышла замуж.

– Никогда... – повторила мама. – Не знаю, были ли у нее шансы. Все-таки трое маленьких детей. Джим, Боб и Сью.

* * *

Дом Бёрджессов стоял примерно в миле от центра города. Довольно маленький – впрочем, почти все дома в той части Ширли-Фоллз были маленькими или, по крайней мере, небольшими. Желтый домик на краю поля, весной

становившегося таким ярко-зеленым, что девочкой я мечтала превратиться в корову и весь день жевать влажную сочную траву, до того она казалась вкусной. Правда, на этом поле не было ни коров, ни даже огородов. Просто кусочек деревенского простора рядом с городом. Летом я порой видела, как миссис Бёрджесс тянет поливочный шланг вокруг куста, но дом стоял на холме, и ее фигурка всегда была далекой. Папа махал ей, когда мы проезжали мимо, а она никогда не отвечала на приветствие – скорее всего, просто не замечала.

Принято считать, что маленькие города так и бурлят сплетнями, но ребенком я почти не слышала, чтобы взрослые о ком-то судачили. Случившееся у Бёрджессов было воспринято так же, как и другие трагедии. Вот, например, бедняжка Банни Фогг свалилась с лестницы в подвал и нашли ее только через три дня; у миссис Хэммонд доктора обнаружили рак мозга, не успела она проводить детей в колледж; дурочка Энни Дэй до сих пор не окончила школу и может задрать юбку на глазах у мальчишек, а ведь ей почти двадцать. Сплетничали не взрослые, а дети, особенно мы, совсем маленькие, и языки у нас были очень злые. Взрослые жестко ставили нас на место: если слышали, как кто-то из детей на площадке говорил, мол, Бобби Бёрджесс «убил своего отца и теперь ходит к доктору для психов», провинившегося отправляли к директору, оставляли без обеда и вызывали в школу родителей. Правда, случалось такое нечасто.

Джим Бёрджесс был старше меня на десять лет и потому казался мне кем-то очень далеким, почти знаменитостью. Да он и в самом деле уже тогда был знаменитостью – футболист, президент класса, темноволосый красавец, такой серьезный. Помню, что глаза его никогда не улыбались. Бобби и Сюзан были младше, они иногда оставались со мной и моими сестрами, если нашим родителям требовалось куда-то уйти. Сюзан не слишком обращала на нас внимание, хотя один раз решила, что мы над ней смеемся, и отобрала печенья-зверушки, которые мама, уходя, всегда нам оставляла. Одна из моих сестер заперлась тогда в ванной в знак протеста, а Сюзан орала на нее и грозилась вызвать полицию. Не помню уж, что произошло дальше, но никакая полиция не приехала, а мама очень удивилась, увидев печенья-зверушки, которые так никто и не съел. Несколько раз с нами сидел Бобби, и он катал нас по очереди на спине. Мы чувствовали, что он добрый и хороший, – он все время поворачивал голову к седоку и спрашивал: «Ты как там? Ничего?» Однажды сестра носилась по дорожке возле дома и ободрала колено, и Бобби очень за нее переживал. Обмывая рану большой рукой, он говорил: «Ничего, ничего. Ты храбрая девочка».

Мои сестры выросли и переехали в Массачусетс, а я отправилась в Нью-Йорк, к неудовольствию родителей. Они сочли это предательством: в нашем роду с семнадцатого века никто не покидал Новой Англии. По словам отца, среди наших предков были разные люди, на долю которых выпадали нужда и лишения, но ни один из них не ступил в клоаку Нью-Йорка. Я же вышла замуж за ньюйоркца, богатого общительного еврея, и это еще больше обострило отношения с родителями. Они редко приезжали в гости. Думаю, город пугал их, как пугал мой муж, казавшийся им иностранцем, и мои дети, казавшиеся им дерзкими и избалованными – все эти пластмассовые игрушки, бардак в комнатах, а затем пирсинг в носу, фиолетовые и голубые волосы... В общем, много лет мы копили взаимные обиды.

А потом мой муж умер, в тот самый год, когда наш младший отправился в колледж, и мама, овдовевшая годом ранее, приехала ко мне в Нью-Йорк и гладила мне лоб, как в детстве, когда я лежала больная, и жалела меня, потерявшую отца и мужа в такой короткий срок.

– Чем мне тебя порадовать? – спросила она.

– Расскажи что-нибудь, – попросила я, не поднимая головы от дивана.

Она подвинула стул к окну.

– Что бы тебе рассказать... От Сьюзан Бёрджесс ушел муж. Уехал в Швецию – зов предков, не иначе. Он ведь с севера, помнишь, из маленького городка, Новой Швеции. Жил там до университета. А Сьюзан с этим своим сыном так и живет в Ширли-Фоллз.

– Она все такая же красивая?

– Да ты что!..

Вот так это и началось. Слухи, новости и воспоминания о детях Бёрджессах, как ниточки «кошачьей колыбели», связывали меня с мамой и с Ширли-Фоллз. Мы повторяли их снова и снова. Я еще раз пересказала, как однажды встретила жену Джима, Хелен, когда они, как и я, жили в районе Парк-Слоуп в Бруклине. Они переехали туда из Хартфорда после суда над Пэккером, Джим устроился на работу в большую компанию на Манхэттене.

Мы с мужем ужинали в ресторане, заметили Хелен с подругой и, уже направляясь к выходу, подошли к их столику. В тот вечер я выпила вина – наверное, именно поэтому мне захотелось пообщаться, мол, мы с Джимом выросли в одном городе. На лице Хелен отразилось нечто, запомнившееся мне надолго. В глазах ее словно мелькнул испуг. Она спросила, как меня зовут, и, получив ответ, сказала, что Джим никогда обо мне не упоминал. Я объяснила, что я гораздо младше его. Тогда она нервным движением поправила салфетку и произнесла: «Я уже много лет там не бывала. Приятно познакомиться. Всего хорошего».

Мама заявила, что Хелен стоило бы вести себя поприветливей.

– Ты же помнишь, она из богатых. Считает себя выше тех, кто из Мэна.

Я уже научилась пропускать подобные замечания мимо ушей и не тратить нервы на мамин обожаемый Мэн.

Но после того, что натворил сын Сьюзан, – когда эту историю муссировали во всех газетах, включая «Нью-Йорк Таймс», и по телевидению, – я позвонила маме и сказала:

– Пожалуй, я напишу книгу о Бёрджессах.

– Напиши, поучительная история.

– Только люди будут говорить, что нехорошо писать о тех, кого знаешь.

Голос у мамы был очень усталый.

– А ты их и не знаешь. – Она зевнула. – В нашей жизни никто никого не знает.

Книга первая

Ветреным октябрьским днем в бруклинском районе Парк-Слоуп Хелен Фарбер Бёрджесс паковала вещи, собираясь в отпуск. Большой синий чемодан лежал раскрытым на кровати, а рядом, на кресле, высилась аккуратная стопка одежды, которую муж Хелен выбрал накануне. Солнечные лучи, то и дело пробивая бегущие по небу облака, врываются в окна, и тогда на изголовье кровати ярко вспыхивали медные шишечки, а синева чемодана становилась еще насыщенней. Хелен ходила туда-сюда между гардеробной – роскошной комнатой с огромными зеркалами, белыми обоями из конского волоса и широким окном в темной деревянной раме – и спальней с французскими окнами, которые сейчас были закрыты. В более теплую погоду можно было распахнуть стеклянную дверь и выйти на просторную террасу над садом. Хелен пребывала в чем-то вроде ступора, нападавшего на нее всякий раз, когда она собиралась в поездку, поэтому внезапный телефонный звонок был воспринят ею с облегчением. На экране горела надпись «Номер скрыт». Значит, звонит либо жена одного из партнеров ее мужа, работавшего в престижной компании знаменитых юристов, либо брат мужа Боб, много лет пользовавшийся скрытым номером, хотя знаменитостью не был и вряд ли когда-нибудь станет.

– Как я рада, что это ты, – сказала Хелен в трубку, вытащила из ящика комода разноцветный платок, повертела в руках и бросила на кровать.

– Правда? – удивился Боб.

– Боялась, что это Дороти.

Остановившись у окна, Хелен посмотрела в сад. Слива клонилась на ветру, по земле кружили желтые листья, облетевшие с древогубца.

– Почему боялась?

– Устала я от нее.

– Вы же едете вместе на целую неделю.

- На десять дней. Ну да.

- Ясно, - произнес Боб после короткой паузы.

Он сказал это с полным и безоговорочным пониманием, и Хелен подумала, что все-таки у него дар - уметь за считанные секунды с головой погрузиться в маленький мирок другого человека. Хорошая черта для мужа, но, видимо, одной ее недостаточно, иначе жена не ушла бы от Боба много лет назад.

- Мы не в первый раз отдыхаем с ними вместе, - напомнила Хелен. - Все будет хорошо. Алан ужасно милый. Скучный только.

- И управляющий партнер, - отметил Боб.

- Ну да, - игриво пропела Хелен. - Не так просто заявить ему: «Извини, мы хотим разок отдохнуть без вас». Джим говорит, их старшая дочь совсем отбилась от рук. Она сейчас в выпускном классе. Семейный психотерапевт посоветовал Дороти с Аланом поехать развеяться. Не понимаю, как можно уезжать, когда ребенок от рук отбился...

- Я тоже не понимаю, - честно сказал Боб. - Знаешь, Хелен, тут такая штука случилась...

Хелен прижимала к уху телефон, складывая пару льняных брюк.

- Давай-ка к нам, - перебила она. - Вернется Джим, пойдем вместе ужинать в ресторан через дорогу.

Положив трубку, она смогла закончить сборы со спокойной уверенностью. Разноцветный платок отправился в чемодан с тремя белыми льняными блузками, черными балетками и коралловым ожерельем, которое Джим подарил ей в прошлом году. Хелен представила, как они с Дороти будут сидеть на террасе, пить виски с лимонным соком и ждать, пока мужья примут душ после игры в гольф. «Интересный человек этот Боб», - скажет она. Может быть, даже упомянет трагический случай, когда четырехлетний Боб играл в стоящей во дворе родительской машине, машина покатила с горки и насмерть переехала отца - бедняга имел неосторожность оставить троих маленьких детей в салоне,

решив пройти вниз по склону к почтовому ящику. Чудовищное происшествие, о котором в семье было принято молчать. Джим упомянул о нем вслух единственный раз за тридцать лет. «Боб такой нервный. Я стараюсь за ним присматривать». «Ты просто святая!» – воскликнет Дороти, откинувшись в кресле и глядя на нее сквозь огромные темные очки, за которыми не видно глаз. А Хелен покачает головой: «Вовсе нет. Просто мне необходимо быть нужной. А теперь, когда дети выросли...»

Впрочем, нет. О детях она говорить не будет. Дочка Энглинов прогуливает уроки и где-то шляется ночи напролет. Но как же все десять дней избегать разговоров о детях? Надо спросить Джима.

Хелен спустилась в кухню. Домработница скребла овощечисткой сладкий картофель.

– Ана, мы сегодня ужинаем не дома. Вы можете быть свободны.

* * *

Ветер разметал осенние облака, играющие множеством оттенков серого, и солнце широкими лучами заливало Седьмую авеню. Боб Бёрджесс шагал к дому своего брата мимо китайских рестораничек, ювелирных магазинов, лавок с открытками, лотков с овощами, фруктами и срезанными цветами.

Боб был высок, ему шел пятьдесят второй год, и самая главная черта его заключалась в умении вызывать у людей симпатию. В его обществе любой чувствовал себя среди своих. Знал бы об этом сам Боб, может, его жизнь сложилась бы по-другому. Но, увы, он не знал, и нередко сердце его сжималось от неясной тревоги. К тому же Боб не отличался последовательностью. Друзья замечали, что сегодня он душа компании, а завтра где-то витает и не расположен общаться. Вот об этом своем качестве Бобу было известно – со слов бывшей жены. Пэм говорила, что он имеет привычку уходить в себя. «Джим тоже так делает», – оправдывался Боб, на что жена отвечала: «Мы сейчас говорим не о Джиме».

Ожидая на светофоре, Боб с благодарностью думал о невестке, сказавшей ему: «Вернется Джим, пойдем вместе ужинать». Именно с Джимом он хотел

поделиться тем, что увидел, сидя у своего окна на четвертом этаже, тем, что донеслось до его ушей из квартиры внизу – и потрясло до глубины души. Боб перешел улицу, миновал кофейню, в полумраке которой сидели в креслах молодые люди, уставившись в ноутбуки загипнотизированным взглядом. Боб чувствовал свою отстраненность от происходящего вокруг. Как будто не он прожил полжизни в Нью-Йорке и любил этот город, как человека, как будто он, Боб, никогда не уезжал с заросших полей Новой Англии и никогда не видел и не желал ничего иного, кроме ее выцветшего неба.

– Звонила ваша сестра, – с порога сообщила Хелен, впуская его через решетчатую калитку перед ступенями особняка. – Хотела поговорить с Джимом. Голос очень мрачный. – Она повесила куртку Боба в шкаф и добавила: – Знаю, Сьюзан всегда мрачная. Но один раз она мне даже улыбнулась. Когда я попробовала изобразить, с каким акцентом говорят в Мэне.

Хелен устроилась на диване, подогнув под себя ноги в черных колготках. Боб сел в кресло-качалку и стал раскачиваться.

– Не стоит изображать акцент Мэна в присутствии уроженцев Мэна, – продолжала Хелен. – Вот южане почему-то относятся к таким вещам куда более снисходительно. Попробуй, как они, протянуть «Приве-е-ет», и никто не усмехнется... Бобби, ты какой-то нервный. Нет-нет, это не страшно, иногда можно и понервничать, лишь бы не случилось ничего серьезного. Ничего ведь не случилось?

Доброта Боба за годы жизни сделала его слабым. Теперь он прямо физически чувствовал это, какое-то разжижение в груди.

– Случилось. Насчет акцентов ты права. Жители Мэна принимают шутки над выговором близко к сердцу.

– Знаю, знаю. Ну рассказывай, что произошло.

– Адриана опять поругалась с Пижоном.

– Погоди-ка... А, твои соседи снизу. У них еще дурацкая собачонка, которая тявкает без умолку.

– Да, да, они.

– Ясно. Ну так что с ними? – Хелен была очень довольна, что не забыла эту деталь из жизни Боба. – Нет-нет, подожди, как раз вспомнила. Представляешь, вчера в вечерних новостях показали сюжет под названием «Настоящие мужчины любят маленьких собачек». И там беседовали с разными, пардон, голубоватого вида мужиками, которые держали на руках мелких шавок в клетчатых плащиках и резиновых сапожках. Подумать только! Мы четвертый год воюем в Ираке, а в новостях показывают такую чушь. А все потому, что детей у них нет. В смысле, у тех, кто покупает наряды собачкам. Извини, Боб, пожалуйста, я тебя перебила.

Хелен взяла в руки подушку, провела по ней пальцем и залилась краской. Боб решил, что у нее прилив, и опустил глаза, чтобы не смущать. Но климакс был ни при чем – Хелен покраснела, сообразив, что дурно отозвалась о бездетных людях, и Боб мог принять это на свой счет, ведь у него тоже не было детей.

– В общем, они опять поругались, – продолжил Боб. – Пижон всегда в таких случаях кричит на жену... ну да, они женаты... так вот, он всегда кричит одно и то же: «Адриана, твою мать, ты мне вынесла мозг!» И повторяет снова и снова.

Хелен покачала головой:

– Ужас, вот жизнь у людей... Выпьешь что-нибудь?

Она встала с дивана – невысокая, фигура все еще хорошая, подчеркнута бежевым пуловером и черной юбкой, – прошла к шкафчику красного дерева и налила виски в хрустальный стакан. Боб ополовинил его одним глотком.

– Короче... – начал было он и осекся, увидев, как Хелен едва заметно поджала губы.

Она терпеть не могла словечко «короче», а он вечно об этом забывал, как забыл и сейчас. Боб уже чувствовал надвигающуюся неудачу. Не сможет он передать всю трагичность того, что случилось.

– Адриана пришла домой. Разгорелась ссора. Он покричал свое обычное и пошел выгуливать собаку. А она в это время вызвала полицию. В первый раз за все

время. Он вернулся с улицы, и его повязали. Я слышал, как копы говорили между собой, что жена заявила, мол, он ее ударил. И вышвырнул ее одежду из окна. В общем, его арестовали – и он был так поражен!

Хелен смотрела на Боба, явно не зная, что сказать, а тот продолжал:

– Стоял в этом своем аккуратненьком свитере на молнии и плакал: «Милая, я же за семь лет ни разу руку на тебя не поднял! Что ты делаешь? Милая, не надо!» Но на него надели наручники, посадили в полицейскую машину у всех на глазах и увезли. Ночует сегодня в каталажке.

Боб поднялся с кресла-качалки, достал из шкафчика бутылку виски и налил себе еще.

– Очень грустная история, – разочарованно сказала Хелен, она ожидала большей драмы. – Только он сам виноват. Думать надо, прежде чем бить жену.

– Сомневаюсь, что он на самом деле ее ударил. – Боб снова опустился в кресло.

– Интересно, они теперь разведутся? – задумчиво проговорила Хелен.

– Наверняка, – ответил Боб; на него вдруг навалилась усталость.

– А что тебя так расстроило? Арест или то, что их брак распался?

Хелен заметила, что разговор не принес Бобу никакого облегчения, и почувствовала себя уязвленной. Боб поразмыслил над ответом, качаясь в кресле.

– Да все! Обыкновенный день, и вдруг бац! – Он щелкнул пальцами. – Как гром среди ясного неба.

Хелен поправила подушку на диване.

– Какой же это обыкновенный день, если заявляешь на мужа в полицию.

Боб посмотрел в забранное решеткой окно и увидел шагающего по тротуару Джима. Его охватило легкое волнение при виде старшего брата – быстрая походка, длинное пальто, кожаный портфель. В двери повернулся ключ.

– Привет, милый! – крикнула Хелен. – У нас Боб.

– Вижу.

Джим снял пальто и повесил в шкаф в прихожей. Боб так и не научился, приходя домой, убирать верхнюю одежду в шкаф. «Да что с тобой такое?» – восклицала по этому поводу его жена, Пэм. Что с тобой, ну вот что с тобой, ну что с тобой такое?! А собственно, что с ним было такое? Он и сам не знал. Просто когда он входил в дом, убирать верхнюю одежду казалось ему совершенно бесполезным и, пожалуй, слишком утомительным – если, конечно, никто не делал этого за него.

– Пойду я... Мне еще записку по делу составлять.

Боб работал в апелляционном отделе службы бесплатной юридической помощи, читал протоколы рассмотрения дел в суде. У него всегда вот-вот должна была состояться очередная апелляция, для которой требовалось предоставить записку с аргументами об отмене или поддержке судебного решения.

– Ерунда! – запротестовала Хелен. – Мы сейчас вместе пойдем ужинать.

– Вылезай из моего кресла, тупица. – Джим помахал рукой, будто прогоняя кошку. – Давненько ты не заглядывал. Уж дня четыре, не меньше.

– Джим, прекрати. У Боба соседа арестовали. Увели из дома в наручниках.

– Надо же! Проблемы в общежитии?

– Джим, хватит!

– Мой брат всегда такой, не обращай на него внимания. – Боб пересел на диван, а Джим устроился в своей качалке.

- Ну, выкладывай, - велел он, скрестив руки на груди.

Излюбленная поза делала фигуру рослого и мускулистого Джима квадратной и грозной. Он выслушал Боба, не пошевелившись, а потом наклонился, чтобы расшнуровать ботинки.

- И что, он правда выбросил ее одежду из окна?

- Я ничего такого не видел.

- Ох уж эти семейные узы, - произнес Джим. - Не будь их, у юристов уголовного права стало бы в половину меньше работы. Вообрази-ка, Хелен, ты прямо сейчас можешь позвонить в полицию, заявить, что я тебя избиваю, и все, ночевать я буду в участке.

- Я не стану заявлять на тебя в полицию, - непринужденно заверила его Хелен, встала с дивана и поправила юбку на талии. - Если будешь переодеваться к ужину, давай скорее, я есть хочу.

- Джими, меня просто всего перетряхнуло, когда его увозили. - Боб подался вперед. - Не знаю даже почему.

- Ну что ты как ребенок! - возмутился Джим. - Чего тебе от меня-то надо? - Он стащил с ноги ботинок и почесал ступню. - Хочешь, позвоню в участок, попрошу, чтобы за ним присмотрели. А то мало ли, как с твоим смазливый белым Пижоном обойдутся в каталажке.

Боб воскликнул: «Если тебе не сложно, Джим!» - и тут в соседней комнате зазвонил телефон.

- Наверняка ваша сестра, - предположила Хелен. - Второй раз за сегодня.

- Скажи, что меня нет дома, Хелли. - Джим снял носок и бросил на паркетный пол, потом запустил вторым ботинком в угол. - Боб, а ты давно общался со Сьюзан?

- Несколько месяцев назад. Я тебе говорил, мы поругались из-за сомалийцев.

– Откуда в Мэне люди из Сомали? – через плечо спросила Хелен уже в дверях. – Кто вообще согласится приехать в Ширли-Фоллз не в кандалах под конвоем?

Боб всегда удивлялся, откуда в Хелен столько неприязни по отношению к их малой родине и почему она даже не пытается этого скрывать. Но Джим просто ответил:

– Они в кандалах. В кандалах бедности. – С этими словами он бросил второй носок на первый, но промахнулся, и носок повис на углу журнального столика.

– Сьюзан жаловалась мне, что они наводнили город, – продолжал Боб. – Мол, табунами приезжают. Три года назад их было всего несколько семей, а теперь две тысячи человек, и всё едут и едут. Оглянуться не успеешь, как вот он, еще один автобус, а в нем еще сорок душ. Я ей сказал, что она устраивает истерику на пустом месте, а она заявила, что женщин вечно обвиняют в истериках на пустом месте, что же касается сомалийцев, то я просто ничего не знаю, поскольку сто лет не был в Ширли-Фоллз.

Хелен вернулась в комнату:

– Джим, ей на самом деле очень надо с тобой поговорить. Она так расстроена, я не смогла соврать. Сказала, что ты пришел. Извини, милый.

– Ничего. – Джим погладил ее по плечу, направляясь к телефону.

Хелен спокойно подобрала его носки, и Боб задумался – может, если бы он сам убирал верхнюю одежду, как Джим, его жена меньше бесилась бы из-за разбросанных носков.

В соседней комнате повисло долгое молчание, потом Джим начал задавать вопросы, так тихо, что Боб и Хелен не разобрали ни слова. Снова долгая пауза и негромкий голос. Хелен рассеянно вертела сережку в ухе.

– Хочешь еще выпить? – Она вздохнула. – Похоже, это затянется.

Однако им обоим было не до виски. Откинувшись на спинку дивана, Боб смотрел в окно на идущих с работы людей. Он жил в каких-то шести кварталах, на

другом конце Седьмой авеню, но никому из его соседей и в голову не пришло бы пошутить про здешних обитателей – дескать, проблемы в общаге. На этом конце Седьмой авеню все были очень серьезные – банкиры, врачи, журналисты с кожаными портфелями. Боб подивился разнообразию проплывающих мимо него сумок черного цвета – особенно в руках у женщин. Здесь на тротуаре не валялся мусор, а в маленьких садиках перед домами росли подстриженные кусты.

Джим повесил трубку, и Боб с Хелен обернулись на звук. Джим с наполовину развязанным галстуком остановился в дверях.

– Отпуск отменяется, – произнес он и яростным жестом содрал галстук. Хелен выпрямилась. – Нашего племянника вот-вот арестуют. – Лицо его побледнело, глаза сделались маленькими. Он опустился на диван и обхватил голову руками. – Господи, это же будет во всех газетах. «Племяннику Джима Бёрджесса предъявлено обвинение».

– Он кого-то убил? – спросил Боб.

Джим поднял голову:

– Ты в своем уме?

Как раз когда он раскрыл рот, чтобы это сказать, Хелен осторожно предположила:

– Проститутку?

Джим затряс головой, как будто ему вода попала в ухо, и произнес, глядя на Боба:

– Нет, он никого не убил. – Потом перевел взгляд на Хелен: – И тот, кого он не убил, не был проституткой. – Джим поднял глаза к потолку, прикрыл их и сказал: – Наш племянник, Закари Олсон, швырнул замороженную свиную голову в раскрытую дверь мечети. Во время молитвы. В священный месяц Рамадан. Сьюзан говорит, что Зак не знал, что такое Рамадан, и я ей охотно верю, потому что она сама узнала о нем из газет. Свиная голова была уже подтаявшая и запачкала кровью ковер, а на покупку нового у мечети нет денег. По

мусульманским законам ковер теперь положено очистить семь раз. Вот что устроил наш племянник.

Хелен посмотрела на Боба. На ее лице отразилась растерянность.

- А почему это должно попасть в газеты, Джим? - наконец спросила она тихо.

- Ты что, не понимаешь? - так же тихо отвечал Джим, повернувшись к ней. - Преступление на почве ненависти. Представь, что ты захватила синагогу в Боро-Парке и заставила там всех есть бекон с мороженым.

- Ясно. Я не знала. Не знала я этого про мусульман.

- Его обвиняют в преступлении на почве ненависти? - спросил Боб.

- На парня хотят повесить все, что только можно. Уже ФБР привлекли. В генеральной прокуратуре штата собираются вчинить ему нарушение гражданских прав. Сьюзан говорит, это уже в новостях по государственным каналам, но она сейчас невменяемая, не знаю, так ли это на самом деле. Якобы какой-то репортер из Си-эн-эн оказался в городе, услышал эту историю и решил пустить в новости по всей стране. Господи, как можно случайно оказаться в Ширли-Фоллз?!

Джим взял пульт, навел его на телевизор и бросил рядом с собой на диван, так и не нажав кнопку.

- Нет, только не сейчас. Как же я этого не хочу! - Он потер ладонями лицо, запустил пальцы в волосы.

- Его задержали? - спросил Боб.

- Нет. Полиция ищет какого-то гопника, а нужен им не гопник, а наш девятнадцатилетний идиот-племянник. Зак, сын Сьюзан.

- Когда это случилось?

– Два дня назад. По словам Зака, то есть по словам Сьюзан, он был один и «просто пошутил».

– Пошутил?!

– Ну да, пошутил. Понятно, «глупо пошутил». Так Сьюзан выразилась. Он швырнул голову и удрал, никто его не видел. Якобы. Потом он услышал о своей выходке в новостях, испугался и рассказал матери. Она, конечно же, в панике. Я велел немедленно идти с ним в полицию, ему не придется сразу давать показания, но Сьюзан слишком напугана. Боится, что его оставят на ночь в участке. Не хочет ничего делать, пока я не приеду. – Джим обмяк на диване и тут же выпрямился. – Вот черт! – Он вскочил и стал ходить туда-сюда перед окнами. – Глава полиции сейчас некий Джерри О'Хейр. Впервые о нем слышу. Сьюзан говорит, что встречалась с ним в старших классах.

– Два свидания, – сказал Боб. – Потом он ее бросил.

– Это хорошо. Может, чувство вины заставит его обойтись с ней получше. Она собирается позвонить ему утром и пообещать привести Зака, как только я приеду.

Джим походя ударил кулаком по дивану и уселся в качалку.

– Адвоката она наняла? – спросил Боб.

– Сперва я должен его найти.

– А ты никого не знаешь в генеральной прокуратуре? – спросила Хелен, снимая пушинку с колготок. – Там наверняка много лет одни и те же лица.

– Я хорошо знаю самого прокурора, – громко сказал Джим, крепко сжав подлокотники и раскачиваясь взад-вперед. – Мы оба когда-то работали обвинителями. Дик Хартли. Ты его видела один раз на рождественской вечеринке и сочла придурком. Не ошиблась. И я не могу к нему обратиться. Он непременно сунет нос в это дело. Конфликт интересов. И с точки зрения стратегии – самоубийство. Нет уж, Джим Бёрджесс не может действовать нахрапом.

Хелен с Бобом переглянулись. Джим вдруг перестал качаться и уставился на брата:

- Убил проститутку? Откуда такие мысли?

Боб примирительно поднял руку:

- Ниоткуда. Просто Зак для меня загадка, вот и все. Молчун.

- Не молчун он, а кретин. - Джим посмотрел на Хелен: - Милая, прости, что так вышло.

- Проститутку предположила я, - напомнила Хелен. - Не злись на Боба, он совершенно прав. Зак всегда был какой-то не такой, и, честно говоря, вполне можно ожидать подобного развития событий в этой глухомани. Тихий парень живет с матерью, убивает проституток и закапывает их на картофельном поле. А раз он никого не убил, не вижу смысла отменять поездку. Вот не вижу! - Хелен заложила ногу на ногу и сплела пальцы на колене. - Я даже не вижу смысла идти сдаваться. Найдите парню адвоката в Мэне, пусть он голову ломает.

- Хелли, ты расстроена, я понимаю, - терпеливо сказал Джим. - Но Сьюзан просто не в себе. И я найду ему местного адвоката. Однако сдать Зака обязан, потому что... - Джим помолчал, обводя взглядом комнату. - Потому что он это сделал. Есть и другая причина, не менее важная. Если он сразу сдастся и выразит раскаяние, приговор может быть мягче. Бёрджессы не бегают от властей. Мы не такие. Мы отвечаем за свои поступки.

- Ладно. Я поняла.

- Я пытался объяснить Сьюзан. Ему предъявят обвинение, определят сумму залога и отпустят домой. Это мелкое хулиганство. Но нужно явиться в полицию. Поднялась шумиха, так что они обязаны принять меры. - Джим вытянул руки перед собой, как будто держал баскетбольный мяч. - Сейчас самое главное - не дать ситуации выйти из-под контроля.

- Не отменяйте отпуск, - сказал Боб. - Сьюзан помогу я.

- Ты? - удивился Джим. - Ты же боишься летать!

- Поеду на вашей машине. Завтра прямо с утра. А вы отдыхайте. Куда, кстати, собираетесь?

- На Сент-Китс, - ответила Хелен. - В самом деле, Джим, почему бы не поехать Бобу?

- Потому что... - начал Джим и замолчал, прикрыв глаза и опустив голову.

- Потому что я не справлюсь? Брось, Джимми. Сьюзан, конечно, любит тебя больше, но я могу поехать. Я хочу поехать.

Боб внезапно почувствовал опьянение, словно выпитый виски только теперь ударил в голову.

Джим так и сидел с закрытыми глазами.

- Тебе нужен отпуск, - сказала ему Хелен. - Ты серьезно переутомился.

Слыша настойчивую заботу в ее голосе, Боб еще острее ощутил собственное одиночество. Хелен волновал в первую очередь Джим, и она не собиралась жертвовать его интересами ради нужд золовки, которая после стольких лет по-прежнему была ей чужим человеком.

- Ладно, - решился Джим и повернул голову к Бобу: - Договорились. Езжай.

Боб обнял его за плечи.

- Веселенькая мы семейка, а, Джим?

- Хватит! - воскликнул Джим. - Господи боже мой...

Назад Боб шел, когда уже стемнело. Подходя к дому, он взглянул на окна соседей снизу. Там работал телевизор. Адриана, едва видимая с улицы, сидела перед экраном. Неужели она не могла никого позвать, чтобы не ночевать одной?

Боб подумал, не постучать ли к ней, спросить, все ли в порядке?.. Потом представил, как появляется у нее на пороге, здоровенный седой мужик из квартиры этажом выше... Только этого ей не хватало.

Он поднялся по лестнице, бросил куртку на пол и взял телефон.

- Привет, Сьюзи, - сказал он в трубку. - Это я.

* * *

Они были близнецами.

У Джима с самого детства было собственное имя, но Сьюзи и Боба звали не иначе как «близнецы». Куда делись близнецы? Передайте близнецам, что обед на столе. У близнецов ветрянка, они не могут уснуть.

Только обычно между близнецами вроде как существует особая связь. Они должны быть не разлей вода.

- Я его убить готова! - говорила Сюзан на том конце провода. - Вниз головой подвесить!

- Полегче, это же твой ребенок.

Боб включил настольную лампу и стоял у окна, глядя на улицу.

- Я не про Зака. Я готова убить раввина. И лесбиянку эту, священницу унитарийской церкви. Они уже выступили с заявлением. Вообрази, пострадал не только наш городок, но и весь штат. Да что там, вся страна!

Боб потер загривок.

- Слушай, почему Зак это сделал?

- Спрашиваешь, почему? А ты давно своих-то растил, Боб? Ах, ну да, конечно, я должна соблюдать приличия и никогда не вспоминать, что у тебя нет

сперматозоидов, или онидохлые, или что там у тебя! И я никогда не вспоминала! И помалкивала о том, что Пэм наверняка бросила тебя, чтобы завести детей с кем-то другим, – даже не верится, что ты вынудил меня сказать это все, между прочим, из нас двоих проблемы именно у меня!

Боб отвернулся от окна.

– Сьюзан, тебе надо принять таблетку.

– Какую? Цианид?

– Нет. Валиум.

Боба охватила невыразимая грусть. Прижимая трубку к уху, он поплелся в спальню.

– Я не пью валиум.

– Значит, пора начать. Позвони врачу, попроси выписать рецепт по телефону. Хоть поспать сможешь.

Сьюзан не ответила. Боб понимал – ему тоскливо, оттого что он хочет, чтобы рядом был Джим. Ведь, по правде говоря (и Джиму это было известно), Боб понятия не имел, что делать.

– Ничего с парнем не случится. Никто его не тронет. Ни его, ни тебя.

Боб сел на кровать, снова встал. Он и правда не знал, что делать. Впереди бессонная ночь, в таком состоянии не уснешь ни под каким валиумом – которого, кстати, в доме с избытком. Кругом беда – племянник вляпался в историю, несчастная женщина этажом ниже сидит одна, уставясь в телевизор, бедняга Пижон ночует за решеткой. А Джимми собирается упорхнуть на какой-то остров. Боб прошел в гостиную, выключил настольную лампу. На улице остановился автобус, внутри чернокожая старуха суровым взглядом смотрела в окно, в самом хвосте мужчина покачивал головой – видимо, в такт музыке из плеера. Такие невинные, такие далекие...

- Ответь мне на один вопрос, – донеслось из трубки. – Тебе не кажется, что это похоже на кино? Захолустный городишко, крестьяне толпой идут к судье и требуют насадить голову виновного на шест.

- Что ты несешь?

- Слава богу, мамы нет в живых. – Сьюзан плакала. – Она бы умерла во второй раз. Вот просто умерла бы.

- Ничего, скоро все уляжется.

- Господи, ну о чем ты говоришь! Это в новостях по всем каналам!

- А ты не смотри.

- Полагаешь, я не в себе? – спросила Сьюзан.

- Сейчас да. Самую малость.

- Вот спасибо, Боб, ты очень помог. Кстати, Джимми тебе говорил? Один мальчик в мечети так испугался отрубленной свиной головы, что потерял сознание. Она была уже подтаявшая и оставляла кровавые отпечатки. Я знаю, знаю, что ты думаешь. Где это видано, чтобы парень хранил свиную голову дома в холодильнике, а его мать ничего не заметила. А потом пошел и выкинул такую вот штуку. Думаешь-думаешь, не отпирайся. И я от этого с ума схожу. Так что ты прав, я не в себе.

- Брось, Сьюзан...

- Сам знаешь, когда у тебя дети, спокойной жизни не будет. В смысле, ты, конечно, не знаешь этого наверняка. В общем, дети на всякое способны. Только ждешь, что это будут разбитые машины, плохие оценки, прогулянные уроки... а не вандализм в мечети, господи ты боже мой!

- Я к вам завтра приеду. – Боб уже говорил это, но решил повторить еще раз. – Вместе пойдем в участок. Я помогу все уладить. Не волнуйся.

– О, я совсем не волнуюсь. Спокойной ночи.

Как же они друг друга ненавидели!

Боб приоткрыл окно, достал сигарету, налил вина в стакан для сока и уселся на раскладной металлический стул у окна. В доме напротив светились окна. Там всегда было на что посмотреть. К примеру, на девушку, имеющую обыкновение ходить по дому в одних трусиках. Боб ни разу не видел ее грудь, только голую спину, но ему все равно очень нравилось смотреть на эту девчонку, такую свободную и ничем не стесненную. Как василек в июньском поле.

Еще через два окна жила пара, много времени проводившая на своей чистенькой белой кухне. Вот и сейчас муж был там, доставал что-то из шкафа. Похоже, в этой семье готовил именно он. Боб готовить не любил. Он любил поесть, но Пэм замечала, что ему, как ребенку, нравится простая бесцветная еда. Вроде картофельного пюре или запеканки из макарон с сыром. Ньюйоркцы относились к еде с пиететом. Еда была для них искусством. Шеф-повар в Нью-Йорке приравнивался к рок-звезде.

Боб налил еще вина, снова устроился перед окном. Да и пофиг, как теперь принято говорить.

В этом городе всем всё пофиг, будь ты шеф-повар или уличный попрошайка, будь у тебя миллиард разводов за спиной. Хочешь, гробь свое здоровье с сигареткой у раскрытого окна, хочешь – напугай жену и отправляйся в кутузку. Просто рай, а не город. Сьюзи никогда этого не понимала. Бедная Сьюзи.

Боб потихоньку напивался.

В квартире под ним щелкнула дверь, с лестницы донеслись шаги. Боб выглянул из окна. Адриана, съежившись и дрожа, стояла под фонарем с поводком в руке, и собачонка ее тоже дрожала. «Ах вы бедняжки», – сказал Боб себе под нос. «Никто, – думал он в пьяном дурмане, – никто в этом мире не знает, что делать».

* * *

В шести кварталах от дома Боба Хелен лежала рядом с мужем и слушала его храп. Глядя в темное ночное небо, она видела самолеты, держащие курс на аэропорт Ла-Гуардия. Если посчитать – как делали ее дети, когда были маленькие, – получалось, что самолеты пролетают каждые три секунды. Будто маленькие звездочки, которые все падают, падают, падают... Дом сегодня казался ей пустым. Она вспоминала время, когда дети спали в своих комнатах, и как спокойно было в доме, плывущем по мягким волнам ночи. Зак, которого она давно не видела, представлялся ей бледным тощим мальчиком, похожим на сироту. Хелен не хотела думать о нем, о мороженой свиной голове, о вечно недовольной золовке, чувствовать грубые прикосновения всего этого к тонкой ткани, из которой была соткана ее собственная семья. Она уже ощущала знакомые уколы беспокойства, обычно предшествующие бессоннице.

– Ты храпишь. – Она толкнула Джима в плечо.

– Извини, – ответил Джим сквозь сон и повернулся на бок.

Хелен лежала и думала о том, как бы ее цветы не погибли во время отпуска. Ана не умеет за ними ухаживать. Тут нужно чутье, и оно либо есть, либо нет. Однажды, когда Ана у них еще не работала, Бёрджессы уехали в отпуск и их соседки, две лесбиянки, которым доверили заботу о цветах, утомили нежно-лиловые петунии, пышно росшие в ящиках за окном. А Хелен так их оберегала, вовремя обрывала липнущие к пальцам увядшие головки, поливала, удобряла, и они душистыми гейзерами фонтанировали с подоконника, а прохожие, заметив их, непременно восхищались. Она объяснила соседкам, как важно правильно поливать растения в летнее время, и те заверили ее, что все поняли. Но когда Хелен вернулась, ее петунии пожухли. Она тогда плакала. Хорошо, что соседки вскоре съехали – ей было тяжело с ними вежливо общаться после того, как они убили ее петунии. Лесбиянок звали Линда и Лора. В семействе Бёрджессов их окрестили Толстой Линдой и Линдиной Лорой.

Бёрджессы обитали в крайнем особняке из красно-коричневого песчаника. Слева к нему примыкала единственная многоэтажка в квартале. Теперь там жилищный кооператив. Линда с Лорой жили на первом этаже и потом продали свою квартиру банкирше по прозвищу Дебора-Которая-Всё – сокращенно от Дебора-Которая-Всё-Знает, поскольку в доме жила еще одна Дебора, которая знала не всё. Муж Деборы-Которая-Всё, Уильям, был такой нервный, что при знакомстве представлялся Биллиамом. Дети иногда так его и называли, но Хелен велела им быть добрее, потому что Биллиам много лет назад воевал во Вьетнаме, а жена у

него ужасная зануда, с такой не жизнь, а сущий ад. Невозможно было выйти на задний двор, без того чтобы Дебора-Которая-Всё не высунула нос и не начала учить жизни: и фиалки-то в этом углу погибнут, и лилиям-то нужно больше света, и сирень-то тут загнетса, потому что в почве слишком мало извести. Сирень, кстати, и правда загнулась.

Дебора-Которая-Не-Всё, напротив, была милейшая женщина. Высокая, нервная, она работала психиатром и сама казалась немного чокнутой. Увы, муж ей изменял, и обнаружила это Хелен. Один раз она была дома днем и услышала за стеной просто омерзительные ахи-вздохи. А потом выглянула из окна и увидела, что муж Деборы выходит на улицу с какой-то кудрявой девицей. Еще она как-то видела их вместе в баре. И слышала, как Дебора говорила мужу: «Ну что ты весь вечер ко мне придираешься?» Словом, Дебора-Которая-Не-Всё и правда не все знала.

Именно поэтому Хелен не всегда нравилось жить в городе. Во время баскетбольного сезона Джим мог заорать как бешеный: «Ах ты бестолочь тупорылая!» Орал-то он на телевизор, но соседи могли подумать, что на жену. Она даже собиралась как-нибудь в шутку упомянуть об этом в разговоре с ними, но потом решила, что это прозвучит неправдоподобно и лучше просто молчать. Хотя она сказала бы правду.

И все-таки.

Хелен лежала без сна и думала, думала о разных разностях. Что она забыла положить в чемодан? Не хотелось бы взять наряд для ужина с Англичанами и оставить дома подходящие к нему туфли. Плотнее закутываясь в одеяло, она почувствовала, что телефонный разговор со Сьюзан так и остался в ее доме чем-то незримым, гнетущим и мрачным.

В конце концов Хелен села на кровати. Вот что бывает, если на ночь глядя думать об отрубленных свиных головах. Она прошла в ванную, такую чистую и знакомую, и нашла в шкафчике снотворное. Устроившись под боком у мужа, она почти сразу ощутила нежное прикосновение сна и порадовалась тому, что она не Дебора – ни та ни другая, – что она Хелен Фарбер Бёрджесс, что у нее есть дети и вообще тому, что жизнь ее радует.

* * *

Но каким же суматошным выдалось утро!

По субботам Парк-Слоуп щедр на картинки: вот дети идут в парк с футбольными мячами в сетках, а отцы торопят их, поглядывая на светофор, вот устраиваются за столиками кофеен молодые пары с мокрыми волосами, они только что выбежали из душа после утренней любви, вот хозяйева, позвавшие на вечер гостей, бродят по фермерскому рынку возле Гранд-Арми-Плаза на входе в парк и выбирают лучшие яблоки, домашний хлеб и свежесрезанные цветы, а в руках у них тяжелые корзины и букеты подсолнухов, обернутые в бумагу; и, конечно, неприятные мелочи, куда ж без них, даже в этом районе города, где люди в большинстве своем излучают довольство жизнью, – вот дочь выпрашивает куклу Барби на день рождения, но мать наотрез отказывается купить, ведь именно из-за кукол Барби девочки начинают мучить себя диетами до полного истощения. На Восьмой улице угрюмый отчим пытается научить непослушного пасынка ездить на велосипеде; отчим придерживает велосипед за багажник, а мальчик, бледный от страха, вихляет во все стороны и заглядывает отчиму в глаза в поисках одобрения. Жена этого человека лежит в больнице с опухолью груди, заканчивает курс химиотерапии, так что отчим и пасынок обречены друг на друга. На Третьей улице спорят родители подростка – стоит ли позволять сыну сидеть дома в такую чудесную погоду. У четы Бёрджессов тоже были причины для раздражения.

Машина, заказанная в аэропорт, к назначенному времени не появилась. Джим поставил Хелен сторожить чемоданы на тротуаре, а сам носился туда-сюда, то в дом, то из дома, названивая в службу такси. Дебора-Которая-Всё вышла на улицу, спросила, куда они направляются в такой прекрасный день, ах, в отпуск, как это, наверное, замечательно, так часто ездить в отпуск. Хелен пришлось достать телефон и, извинившись, сделать вид, будто она разговаривает с сыном, который на самом деле был в Аризоне и еще наслаждался предрассветным сном. Изображать оживленную беседу пришлось долго, Дебора-Которая-Всё ожидала Биллиама и никуда не уходила, продолжая улыбаться Хелен. Наконец Биллиам явился, и супружеская чета удалилась, держась за руки, что Хелен сочла позерством.

Тем временем Джим, в очередной раз заскочив в прихожую, обнаружил, что оба брелока с ключами висят возле двери. Боб накануне забыл взять ключи от машины! Как он собирается ехать в Мэн без гребаных ключей?! Джим проорал это Хелен, выскочив на улицу, и Хелен негромко ответила, что если он будет так орать, она переедет на Манхэттен.

– Как, по-твоему, Боб туда доедет?! – яростным шепотом спросил Джим, потрясая ключами у нее перед носом.

– Если бы ты дал своему брату ключи от нашей квартиры, этой проблемы вообще бы не возникло.

Из-за угла неспешно показался черный автомобиль. Джим замахал рукой, как будто плыл на спине, впихнул Хелен на заднее сиденье, где она наконец-то поправила прическу, и стал звонить Бобу, злобно бурча:

– Возьми трубку... Да возьми ж ты труб... Боб! Что с тобой случилось?! Я тебя разбудил?! Ты уже должен быть на полдороги к Мэну! Что значит всю ночь не спал?! – Он наклонился вперед к водителю и велел сделать остановку на углу Шестой и Девятой. – Угадай-ка, что у меня в руке, тупица! Да-да, ключи от машины. Слушай меня... ты слушаешь? Чарли Тиббеттс. Это адвокат для Зака. Он встретится с тобой в понедельник утром. Останешься до понедельника, нет у тебя никаких дел, не выдумывай. У вас там в бесплатной юридической помощи особо не напрягаются. Чарли уехал на выходные, но я с ним договорился. Хороший человек. Твоя задача в ближайшие два дня держать ситуацию под контролем, понял? Выходи из дома, мы едем мимо тебя в аэропорт.

Хелен нажала на кнопку, опускающую стекло, и подставила лицо свежему ветру. Джим откинулся на сиденье и взял ее за руку.

– Мы прекрасно отдохнем, милая. Не хуже старых пердунов в рекламном буклете.

Боб уже стоял на тротуаре в футболке, трениках и грязных носках.

– Лови, неряха!

Джим бросил ключи из открытого окна, и Боб поймал их одной рукой. Хелен поразило, как ловко у него это получилось.

– Хорошо вам съездить! – крикнул Боб, помахав вслед.

– Удачи тебе! – крикнула в ответ Хелен.

Такси скрылось за углом, и Боб повернулся к дому. В детстве он убегал в лес, лишь бы не смотреть, как машина увозит Джима в колледж. Он и теперь хотел бы убежать в лес, но вместо этого стоял на растрескавшемся цементном тротуаре возле мусорных баков и пытался нашарить в кармане ключи от двери, щурясь от режущего глаза солнца.

Когда Боб только начинал жить в Нью-Йорке, он ходил к психотерапевту – большой грациозной женщине по имени Элейн. Лет ей тогда было примерно столько же, сколько ему сейчас, и она казалась Бобу очень старой. Он сидел под ее ласковым взглядом, расковыривал пальцем дырку в кожаной обивке кресла и нервно поглядывал на фиговое деревце в углу, которое можно было бы принять за искусственное, если бы оно не тянулось тоскливо к скудному пятну света, проникающего в комнату из окна, и не демонстрировало способность отращивать один новый лист каждые шесть лет. Если бы Элейн стояла сейчас рядом с Бобом на тротуаре, она одернула бы его: «Живи в настоящем!» Ведь в глубине души Боб знал, что происходит с ним при виде такси, в котором уезжает брат, – уезжает, бросая его, Боба. Бедная Элейн умерла от какой-то ужасной болезни. Такая добрая, она так старалась помочь ему... Боб понимал, что творится сейчас в его сердце, но от этого знания ему не было никакого толку. Солнце нещадно било в глаза. Когда погиб отец, Бобу было всего четыре, и он запомнил лишь солнечный свет на капоте машины, как папу накрывали одеялом и – ярче всего – злобный писклявый шепот Сьюзан: «Это все ты виноват, дурак!»

Теперь он стоял на бруклинском тротуаре, перед глазами у него был брат, швыряющий ему ключи и исчезающий за углом, а внутри у Боба плакал маленький мальчик: «Джимми, не уезжай!»

На улицу вышла Адриана.

2

Сьюзан Олсон жила в узком трехэтажном доме недалеко от города. Семь лет после развода она сдавала комнаты на верхнем этаже старушке по имени миссис Дринкуотер, которая в последнее время редко куда-то выходила из дому, никогда не жаловалась, что Зак слишком громко включает музыку, и вовремя

вносила плату. Вечером накануне того дня, когда Зак должен был идти сдаваться в полицию, Сьюзан пришлось постучаться к ней и рассказать, что произошло.

Миссис Дринкуотер восприняла услышанное на удивление спокойно.

– Ах, ну надо же... – только и сказала она.

Старушка сидела за маленьким письменным столом – тощая как тростинка, в розовом халате из искусственного шелка и в чулках, натянутых до колен, с наполовину прибранными седыми волосами. В таком виде она обычно ходила по дому, когда никуда не собиралась, а собиралась куда-либо она теперь очень редко.

– Я просто хотела, чтобы вы узнали об этом от меня, – пояснила Сьюзан, опустившись на кровать. – Потому что со дня на день к вам могут прийти журналисты и начать спрашивать, что вы думаете о Заке.

Миссис Дринкуотер медленно покачала головой. Из-за трифокальных очков ее взгляд было трудно поймать, глаза за толстенными стеклами будто колыхались.

– Ну, он тихий мальчик. – Подумав, она добавила: – Никогда не грубит.

– Не мне решать, что вы им скажете.

– Хорошо, что ваш брат приезжает. Это тот, знаменитый?

– Нет. Знаменитый укатил с женой в отпуск.

Повисла долгая пауза.

– А отец Зака в курсе? – спросила миссис Дринкуотер.

– Я написала ему по электронной почте.

– Он все так же живет в Швеции?

Сьюзан кивнула.

Миссис Дринкуотер посмотрела на свой маленький стол, потом на стену.

- Интересно, каково это - жить в Швеции.

- Надеюсь, вы сможете уснуть.

- Вам самой бы уснуть, милочка. У вас снотворное есть?

- Я не пью снотворное.

- Ясно...

Сьюзан встала, пригладила короткие волосы, и вид у нее был такой, будто она собиралась что-то сделать, но совершенно забыла, что именно.

- Спокойной вам ночи, милочка, - пожелала ей миссис Дринкуотер.

Сьюзан спустилась этажом ниже и заглянула к сыну. Зак лежал на кровати с ноутбуком, водрузив на голову огромные наушники. Сьюзан постучала пальцем по своему уху, прося их снять.

- Боишься? - спросила она.

Зак кивнул.

В комнате царил полумрак. Единственная маленькая лампочка горела над книжной полкой, заваленной стопками журналов, на полу валялось несколько книг. Шторы были задернуты, на черных стенах - однажды Зак взял и покрасил их, пока Сьюзан была на работе - ни плакатов, ни фотографий.

- Отец с тобой связывался?

- Нет. - Голос у Зака был низкий и хриплый.

– Я просила его написать тебе.

– Больше не проси.

– Он же твой отец.

– Я не хочу, чтобы он писал мне, потому что ты попросила.

– Постарайся уснуть, – сказала Сьюзан после долгой паузы.

* * *

Назавтра в полдень она разогрела Заку томатный суп из банки и сделала сэндвич с жареным сыром. Низко склонившись над столом, Зак похлебал суп, съел половину сэндвича, держа его тонкими пальцами, и отодвинул тарелку. Затем поднял темные глаза, и на секунду Сьюзан вновь увидела в нем маленького ребенка, каким Зак был, прежде чем стала явной его неспособность нормально общаться со сверстниками, прежде чем неумение играть в спортивные игры сделало из него изгоя, прежде чем его нос утратил детскую бесформенность и заострился, как у взрослого, а брови срослись в сплошную темную линию. Застенчивый и очень послушный маленький мальчик, который всегда привередничал в еде.

– Ступай-ка в душ, – распорядилась Сьюзан. – И оденься прилично.

– Прилично – это как?

– Рубашку надень. И брюки, не джинсы.

– Не джинсы?.. – Он не протестовал, но был очень встревожен.

– Ладно, надевай джинсы. Только без дырок.

Сьюзан взяла телефон и позвонила в участок. Начальник, О'Хейр, был на месте. Сьюзан пришлось трижды назвать свое имя, прежде чем ее соединили. Она заранее написала на бумажке, что будет говорить. Во рту пересохло, губы

слиплись.

– В общем, мы скоро придем, – закончила она, не отрывая глаз от бумажки. – Только дождемся Боба.

Она прямо видела, как Джерри держит трубку большой рукой, и лицо у него лишено всякого выражения. За последние годы Джерри сильно растолстел. Изредка он заходил в салон оптики в торговом центре за рекой, где работала Сьюзан, и ждал, пока будут готовы очки для жены. Обычно приветствовал Сьюзан кивком и держался с ней ни любезно, ни нелюбезно, а совершенно равнодушно. Именно этого она от него и ожидала.

– Значит, вот как я это вижу, Сьюзан, – усталым деловым тоном ответил Джерри. – Имело место серьезное правонарушение. Когда мы установим, кто виновен, я буду обязан прислать людей и произвести арест. Сама понимаешь, дело громкое.

– Джерри... Господи боже мой, только не отправляй за ним полицейскую машину. Я тебя очень прошу.

– Я думаю вот о чем. Этого разговора сейчас не было. Мы с тобой старые друзья. Я уверен, что скоро увижу вас с Заком. Вы зайдете ко мне сегодня же. Вот так.

– Спасибо! – прошептала Сьюзан.

* * *

Боб удобно устроился за рулем машины брата, ощущая под собой ее ровное движение. За окном мелькали рекламные щиты торговых центров, таблички с названиями озер, но чаще всего коннектикутские деревья – они появлялись на горизонте, проносились мимо и исчезали за спиной. Пробок не было, и между водителями чувствовалась какая-то общность, словно все они – соседи в летящем вперед строю. Боб думал об Адриане. «Мне страшно», – сказала она ему, стоя у дверей в темно-бордовом спортивном костюме, и ветерок шевелил ее мелированные светлые волосы. Так Боб узнал, что у нее низкий грудной голос, прежде она никогда с ним не заговаривала. Без макияжа она выглядела намного моложе. На щеках не осталось румянца, большие зеленые глаза в красных

прожилках смотрели вопросительно. Боб заметил, что она обкусала все ногти, и сердце у него сжалось. Он подумал, что эта девушка практически годится ему в дочери. Годами он жил, то и дело видя рядом с собой тени своих неродившихся детей. Сперва малыша с соломенными волосами (как у Боба в детстве), неумело играющего на площадке в классики, потом подростка, девушку или парня, смеющегося с приятелем на тротуаре, а теперь вот студента, который пришел в его юридическую контору на практику и чье выражение лица заставляло Боба подумать: «А ведь это мог быть мой ребенок».

Он спросил Адриану, есть ли у нее кто из родных поблизости. Она покачала головой: родители в Бенсонхерсте, управляют жилыми домами, но отношения с ними не очень хорошие. Зато у нее есть работа, она ассистент юриста на Манхэттене. Только как теперь работать, если она чувствует себя совсем... Она повертела пальцем у виска. В лице ни кровинки. Боб заверил ее, что работа в таких случаях очень помогает. Как ни удивительно.

«Значит, это у меня не навсегда?» – спросила она.

О нет. Конечно, нет. Хотя Боб знал, конец брака – кошмарное время. Он сказал ей, что все будет хорошо, и повторял много раз, а ее дрожащая собачонка обнюхивала землю под ногами. Адриана боялась потерять работу. На эту позицию возвращалась из декретного отпуска сотрудница, а компания небольшая, кто знает, нужен ли им будет еще один ассистент юриста. Боб дал ей контакты фирмы Джима; это большая контора, там часто бывают вакансии, так что все устроится. В жизни всегда все устраивается. «Вы правда так думаете?» – спросила она, и Боб ответил, что да.

Теперь он ехал мимо розоватых домов Хартфорда. Пришлось сбросить скорость и сосредоточиться. Поток машин стал плотнее. Боб обогнал грузовик, потом грузовик обогнал его. На границе с Массачусетсом в голове, как по команде, всплыли мысли о Пэм. О Пэм, его горячо любимой бывшей жене, чей острый ум и любознательность могли соперничать лишь с ее горячей верой в то, что нет у нее ни того ни другого. О Пэм, которую он встретил больше тридцати лет назад, гуляя по кампусу университета штата Мэн. Она приехала из Массачусетса, единственное дитя пожилых родителей, которые к выпускной церемонии, когда Боб впервые их увидел, казалось, изрядно подустали от своей взбалмошной дочери. Мать была по сию пору жива, лежала, прикованная к постели, в доме престарелых недалеко от поворота на следующую автостраду. Она уже не помнила, кто такая Пэм, и не узнала бы Боба, если бы он сейчас заехал ее

проведать, – а он, кстати, раньше иногда заезжал. Пэм, такая пухленькая в юности, впечатлительная, растерянная, смешливая, всегда готовая загореться какой-нибудь идеей и так же легко переключиться на другую. Откуда такая беспокойность натуры? Когда они переехали в Нью-Йорк, она как-то вечером присела помочиться между двумя припаркованными автомобилями в Вест-Виллидже. Пьяная, хохочущая. Ура феминизму, кулак в воздух. За равное право ссать где придется. Материлась она как матрос. Его любимая Пэм.

Миновав указатель поворота на Стербридж, Боб вспомнил о своей бабушке, которая рассказывала ему о британских предках, приехавших в эти края шесть поколений назад. «Про индейцев!» – требовал Боб, сидя в детском стульчике. Вот это были истории – снятые скальпы; маленькая девочка, похищенная и увезенная в Канаду; ее брат, который несколько лет добирался туда в лохмотьях, нашел сестру, спас и привел назад в родной городок на побережье. Женщины тогда делали мыло из золы и лечили боль в ухе корнем маргаритки. Однажды бабушка упомянула, что воров заставляли с позором пройти через весь город. Если кого-то ловили, к примеру, на краже рыбы, этот человек с рыбой в руках должен был пройти по всем улицам, крича: «Я украл эту рыбу, и мне стыдно!» А за ним шел городской глашатай и бил в барабан.

После этого интерес к предкам у Боба пропал. Заставлять человека идти через весь город и кричать: «Я украл, и мне стыдно!»

Нет уж. Ну их.

* * *

И вот он на границе Нью-Гэмпшира, где у въезда на автостраду стоит магазин со спиртным, небо затянуто осенними тучами. Нью-Гэмпшир, где в законодательных органах по старинке работают сотни людей, а на номерах автомобилей значится девиз штата: «Свобода или смерть». На дороге была пробка, машины съезжали с круговой развязки и ползли к лесу в Белых горах. Боб остановился взять кофе и позвонить сестре.

– Ты где?! – прокричала она. – Я тут с ума схожу! Как ты мог опоздать на полдня?! Впрочем, уж ты-то можешь!

– Ой-вей, Сьюзан, я скоро буду.

Солнце уже клонилось к закату. Боб снова сел за руль и поехал, минуя Портсмут, который уже не первый год старались привести в порядок – как и многие маленькие города на побережье. Когда в семидесятых началась программа восстановления городов, тут вновь сделали булыжные мостовые, починили старые дома, по всему городу появились фонарные столбы в стиле ретро и свечные лавки. Но Боб помнил Портсмут усталым портовым городком, и ностальгия пробирала его до дрожи. Эти улицы когда-то были такими простыми и незамысловатыми, с разбитым тут и там асфальтом. А в универмаге с большими витринами, экспозиция в которых менялась два раза в год, зимой и летом, красовались вечно улыбающиеся манекены: безглазая женщина с сумочкой на сломанном запястье и счастливый безглазый мужчина с садовым шлангом под ногами. Универмаг давным-давно снесли, но все это отложилось у Боба в памяти, потому что однажды здесь останавливался междугородний автобус, на котором они с Пэм ехали в Бостон. На Пэм тогда была юбка, которая запахивалась на талии и очень красиво подчеркивала фигуру.

Как будто миллион лет назад.

«Живи в настоящем», – так сказала бы ему сейчас Элейн. А в настоящем он ехал к своей неприятной сестре. Семья есть семья, и он скучал по Джиму, чувствуя, как внутри просыпается прежний маленький Боб.

* * *

Они сидели на бетонной скамье в приемной полицейского участка. Джерри О'Хейр кивнул Бобу, как будто они виделись только вчера, хотя на самом деле прошли годы, и увел Зака в комнату для допросов. Полицейский принес кофе, Боб и Сьюзан поблагодарили и осторожно взяли картонные стаканчики.

– У Зака друзья есть? – тихо спросил Боб, когда они остались одни.

Он не был в Ширли-Фоллз больше пяти лет, и теперь вид племянника – тощего, долговязого, совсем потерянного от страха – его напугал. Напугал и вид сестры. Худая, поседевшая, удивительно неженственная, простоватое лицо так постарело, что лет ей можно дать больше, чем Бобу, а ведь они близнецы.

– Не знаю я. Он работает в «Уолмарте», раскладывает товар на полках. Иногда, совсем редко, ездит в Уэст-Аннет к какому-то своему коллеге. Но к нам в гости никто не приходит. – Сьюзан помолчала и добавила: – Я-то надеялась, тебе разрешат пойти туда с ним.

– У меня нет местной лицензии на адвокатскую практику, я ведь объяснял. – Боб огляделся. – А когда построили это здание?

Раньше участок был в муниципалитете, громоздком длинном здании, за которым начинался парк. В старом участке все было как на ладони: заходишь – и вот они, полицейские, сидят за столом. Здесь все не так. Маленькая приемная, два затемненных окошка, а чтобы к тебе вообще кто-то вышел, надо позвонить в штуковину вроде дверного звонка. Боб немного посидел здесь и уже чувствовал себя виноватым.

– Лет пять назад. Не помню.

– Зачем вообще строить новый участок? Народ разъезжается из штата, те, кто остался, беднеют с каждым днем, а правительство знай строит новые школы и муниципальные здания.

– Боб! Ну плевать мне. Вот честно. Плевать мне на твои рассуждения о Мэне. К тому же народу, наоборот, прибывает. – Она понизила голос: – Эти вот едут и едут.

Боб отпил из стаканчика. Кофе был дрянной, но Боб не очень-то разбирался в вине и кофе, не то что некоторые. Он напутствовал Зака: «Скажи, что глупо пошутил и что адвокат у тебя будет в понедельник. Из тебя попробуют вытянуть что-нибудь еще, но ты ничего не говори». Зак молча смотрел на него. Такой тощий, так сильно вымахал с их прошлой встречи. Такой перепуганный.

– Как думаешь, почему он это сделал? – спросил Боб как можно осторожней.

– Понятия не имею. Я надеялась, ты у него выяснишь.

Боб занервничал. Он не знал, как вести себя с детьми. У его друзей были дети, которых он любил, детей Джима он просто обожал, но своими не обзавелся, вот

и результат.

– А с отцом Зак общается?

– Да, по электронной почте. Иногда получает от Стива письмо и после этого выглядит... ну, не то чтобы счастливым, но менее несчастным. Только мне он ничего не рассказывает, а со Стивом у нас никаких контактов. – Сьюзан порозовела. – А иногда Зак вдруг совсем падает духом, и я каждый раз подозреваю, что это тоже из-за письма от Стива. Хотя точно не знаю, это все мои домыслы, ясно, Боб?

Она сжала пальцами ноздри и громко шмыгнула носом.

– Эй, только без паники. – Боб огляделся в поисках салфетки или бумажного платочка, но в приемной ничего такого не нашлось. – Помнишь, что говорит в таких случаях Джимми? Бейсбол не терпит слез.

– Что ты несешь? – прошептала Сьюзан.

– Да это кино такое было, про женский бейсбол. Фраза оттуда. Отличный девиз.

Сьюзан поставила недопитый стаканчик с кофе под скамью.

– Для бейсбола, может, и отличный. А у меня сын на допросе в полиции!

Хлопнула железная дверь, и в приемную вышел полицейский, молодой, невысокий, с россыпью темных родинок на лице.

– Порядок, ребята. Его сейчас переведут в тюрьму. Можете ехать прямо туда. Его оформят, вызовут человека, принимающего судебное поручительство, он определит условия освобождения, внесете залог и заберете парня домой.

– Спасибо! – ответили близнецы хором.

Вечерело, и город казался темно-серым и мрачным. Боб со Сьюзан ехали за полицейской машиной и едва различали голову Зака в заднем окне.

- А где вообще все? - удивился Боб. - Вечер субботы, а город словно вымер.

- Он уже много лет как вымер, - ответила Сьюзан, нависая над рулем.

В переулке Боб заметил темнокожего мужчину, что неспешно шагал, засунув руки в карманы расстегнутой куртки, которая была ему явно велика. Из-под куртки выглядывало длинное белое одеяние, доходившее мужчине до самых щиколоток, на голове было что-то вроде тюрбана.

- Эй, Сьюзан!

- Чего?

- Это один из них?

- Ты прямо как умственно отсталый, Боб. Столько лет живешь в Нью-Йорке и ни разу не видел негра?

- Да расслабься ты, Сьюзан.

- Расслабиться? Точно, спасибо. Как мне самой не пришло это в голову.

Полицейская машина въехала на большую парковку у тюрьмы, и Сьюзан остановилась рядом. Они с Бобом мельком увидели Зака в наручниках. Выходя из машины, парень чуть пошатнулся. Его повели внутрь, Боб приоткрыл дверь и крикнул вслед:

- Мы ждем тебя! Мы с тобой!

- Прекрати! - одернула Сьюзан.

Но Боб все равно еще раз крикнул:

- Мы с тобой!

И снова они оказались в маленькой приемной. К ним вышел человек в темно-синей униформе и объяснил, что сейчас Зака оформляют и снимают отпечатки пальцев, что человека, который должен принять судебное поручительство, уже вызвали, но, вероятно, придется подождать. Сколько? А кто его знает. И брат с сестрой сидели и ждали. В приемной был банкомат, торговый автомат и все те же затемненные окна.

- За нами следят? - прошептала Сьюзан.

- Наверное.

Они сидели не раздеваясь, глядя прямо перед собой. Наконец Боб спросил негромко:

- А что Зак делает помимо работы в магазине?

- Ты хочешь знать, есть ли у него обыкновение грабить прохожих? Смотреть детское порно? Нет. Он просто... просто Зак.

Боб поерзал в куртке.

- Может, он имеет отношение к скинхедам? Или там к приверженцам идеи «превосходства белых»?

Сьюзан изумленно посмотрела на него, сощурилась и отрезала:

- Нет! - И добавила чуть тише: - Едва ли он вообще хоть к кому-то имеет отношение. Он не такой, Боб.

- Я просто спросил. Все будет хорошо. Его могут отправить на общественные работы. Обязать прослушать лекции о культурных различиях.

- Как думаешь, его так и держат в наручниках? У меня сердце кровью обливается.

- Понимаю...

Боб вспомнил, как Пижона вели через улицу в наручниках. Теперь ему казалось, что это произошло много лет назад. Даже разговор с Адрианой был теперь страшно далеким, как будто случился очень давно, а не этим утром.

– Зак уже не в наручниках, – успокоил он Сьюзан. – Их надели, только чтобы отвезти его в тюрьму. Таковы правила.

– Тут местное духовенство собирается устроить митинг, – устало прошептала Сьюзан.

– Митинг? Из-за этого? – Боб потер руки о бедра и вздохнул: – Ой-вей.

– Хватит уже! – оборвала его Сьюзан злобным шепотом. – Почему ты так все время говоришь?

– Потому что я двадцать лет в службе бесплатной юридической помощи, со мной работает много евреев, они говорят «ой-вей», вот теперь и я говорю «ой-вей».

– И звучит это фальшиво. Ты-то не еврей. Ты самый что ни на есть настоящий англосакс.

– Знаю.

Воцарилось молчание.

– И когда этот митинг? – спросил наконец Боб.

– Понятия не имею.

Боб опустил голову, закрыл глаза. Через несколько минут Сьюзан спросила:

– Ты там молишься? Или помер уже?

Боб открыл глаза.

– Помнишь, как мы ездили с Заком и ребяташками Джима в Стербридж-Виллидж, когда они были маленькие? Нас там еще водили чопорные тетки-гиды, похожие на жаб. В дурацких широкополых шляпах. Я хоть и пуританин, но терпеть не могу пуритан.[2 - Стербридж-Виллидж – музей под открытым небом, посвященный быту Новой Англии на рубеже XVIII–XIX вв.]

– Ты не пуританин, ты дурак, – ответила Сьюзан.

Ей не сиделось на месте, она то и дело вытягивала шею, пытаясь увидеть хоть что-нибудь сквозь затемненное окошко.

– Почему так долго?

Прошло и правда много времени, почти три часа. Боб вышел на улицу покурить. Уже совсем стемнело. Когда человек, который должен был принять судебное поручительство, все же явился, усталость давила Бобу на плечи, как огромное промокшее пальто. Сьюзан отдала двести долларов двадцатками, и к ней выпустили белого как мел Зака.

Когда они собирались выходить, служащий предупредил:

– Там репортер с фотоаппаратом.

– Откуда? – встревожилась Сьюзан.

– Спокойно. Идем со мной, парень. – Боб повел Зака к двери. – Твой дядюшка Джим любит репортеров с фотоаппаратами. Его очень заденет, если ты оттянешь все внимание прессы на себя.

Возможно, Зака это рассмешило, или просто нервное напряжение стало его отпускать, – словом, он улыбнулся, выходя из тюрьмы. Холодный вечерний сумрак внезапно прорезала яркая вспышка.

На выходе из самолета Хелен ощутила жаркое касание тропического ветерка. Ожидая, пока багаж загрузят в машину, она купалась в горячем воздухе. Дома, которые они проезжали, были увиты цветами, растущими на всех подоконниках, поля для гольфа радовали глаз ухоженной зеленью, а перед отелем бил фонтан, вздымая к небу прохладные струи. В номере на столе стояла ваза с лимонами.

– Джимми, мы прямо как новобрачные.

– Да, очень мило, – рассеянно ответил Джим.

Хелен скрестила руки на груди, касаясь ладонями противоположных плеч. Это был знак из их собственного языка жестов, сложившегося за многие годы, и Джим шагнул к ней.

Ночью ей снились кошмары – яркие, жуткие, реалистичные, и она с трудом вынырнула из них, когда солнце заглянуло в щель между портьерами. Джим собирался идти играть в гольф.

– Поспи еще, – сказал он, целуя ее.

Во второй раз она проснулась снова счастливой. Яркие лучи пробивались из-за тяжелых темных портьер. Хелен лежала на кровати под сладким грузом своего счастья, скользя ногой по прохладной простыне и думая о детях. Все трое теперь в колледже. Она напишет им письмо. «Милые мои ангелочки! Папа играет в гольф, а ваша старушка-мать сейчас подставит солнцу свои варикозные ножки. Дороти мрачнее тучи, как я и боялась. Папа говорит, у нее проблемы со старшей дочерью, Джесси. Эмили, ты помнишь, тебе она никогда не нравилась. Но вчера за ужином об этом все молчали, так что я из вежливости не стала хвастаться вашими успехами. Зато мы говорили о вашем двоюродном брате Заке, но это долгая история, я вам потом расскажу. Скучаю, мои дорогие...»

Дороти лежала в шезлонге у бассейна, вытянув длинные ноги, и читала.

– Доброе утро, – сказала она, не поднимая глаз от страницы.

Хелен передвинула свой шезлонг на солнце.

– Как тебе спалось, Дороти? – Она достала из соломенной сумочки крем для загара и книгу. – Мне всю ночь кошмары снились.

Прошло несколько секунд, прежде чем Дороти оторвалась от журнала.

– Сочувствую.

Хелен натерла кремом ноги и раскрыла книгу.

– Кстати, можешь не жалеть, что забросила книжный клуб.

– Я и не жалею. – Дороти опустила журнал, посмотрела на искрящуюся голубизну воды и произнесла задумчиво: – Многие женщины в Нью-Йорке не такие уж глупые до тех пор, пока не соберутся вместе. Вместе они превращаются в идиоток. Меня это бесит. – Она перевела взгляд на Хелен: – Извини.

– Не за что извиняться. Можешь говорить все начистоту.

Дороти прикусила губу и снова стала любоваться водой в бассейне.

– Очень мило с твоей стороны, Хелен, – сказала она, помолчав. – Только, по моему опыту, на самом деле люди редко хотят, чтобы им говорили все начистоту.

Хелен ждала, не перебивая.

– Даже семейный психотерапевт, – продолжала Дороти, глядя прямо перед собой. – Я тут сказала на приеме, что мне жаль парня Джесси. Мне его правда жаль, она из него веревки вьет. И эта женщина посмотрела на меня так, будто я худшая мать на свете. Господи, если нельзя говорить правду собственному психотерапевту, кому вообще можно?! В Нью-Йорке воспитание детей превратилось в соревновательный спорт. Кровавый и беспощадный. – Дороти взяла пластиковый стаканчик с водой и сделала несколько больших глотков. – И что тебе в этом месяце назначили читать?

Хелен погладила ладонью обложку.

– Одна женщина работала уборщицей в разных домах и написала книгу о том, что нашла, заглядывая в укромные уголки.

От жары Хелен покраснелась. Она раньше даже не подозревала о существовании многих описанных у автора предметов – там были и наручники, и хлысты, и зажимы для сосков, и еще куча подобных приспособлений.

– Не читай ты эту чушь. Вот об этом я и говорю: одни женщины заставляют других читать глупые книги, когда вокруг них целый огромный мир. Вот, прочти, эта статья имеет непосредственное отношение к проблеме твоей золовки, о которой Джим вчера рассказывал. – Протянув длинную руку, она взяла газету с пластикового столика и сунула Хелен. – Хотя Джим, как обычно, считает, что это полностью его проблема.

Хелен порылась в плетеной сумочке.

– Просто дело обстоит так. – Она вытянула вверх палец. – Джим покинул Мэн. – Она вытянула второй палец. – Боб покинул Мэн. – Третий палец. – Муж Сьюзан покинул и ее, и Мэн. – Она снова сунула руку в недра сумочки и достала бальзам для губ. – Джим чувствует за них ответственность. Он вообще очень ответственный.

Она намазала губы.

– Может, он такой ответственный. А может, у него совесть нечиста, – заметила Дороти.

– Нет, – подумав, возразила Хелен. – Это не так.

Дороти молча раскрыла журнал, и Хелен – которой очень хотелось поболтать, это желание просто бурлило в ней, как пузырьки в шампанском, – была вынуждена взяться за статью. Солнце начинало припекать сильнее, и пот мелкими капельками выступал у нее над верхней губой, сколько бы она ни утирала его пальцами.

– Ужас какой! – воскликнула она через некоторое время, потому что в статье писали о жутких вещах.

Но газету не отложила, боясь, что Дороти сочтет ее глупой, недалекой женщиной, которой плевать на то, что творится за пределами ее раковины.

В статье говорилось о лагерях беженцев в Кении. Кто жил в этих лагерях? Сомалийцы. А кто об этом знал? Кто угодно, только не Хелен. То есть теперь-то знала. Теперь она также знала, что сомалийцы, приехавшие в Ширли-Фоллз, раньше жили в нечеловеческих условиях. Щурясь от солнца, Хелен читала о женщинах, ходивших из лагеря за хворостом туда, где их могли изнасиловать бандиты, и с некоторыми это случалось не один раз. Их дети умирали от голода у них на руках, а выжившие не ходили в школу. Потому что школ не было. Мужчины сидели и жевали листья ката, в которых содержится наркотик, а их жены, которых у одного мужчины могло быть до четырех, пытались прокормить семью горсткой риса и несколькими каплями растительного масла – единственная помощь от местных властей, да и ту они получали раз в полтора месяца. И конечно, в статье были фотографии. Высокие тощие африканки, несущие на голове дрова и большие пластиковые канистры с водой; больной ребенок, вокруг которого вьются мухи; обшарпанные глиняные хижины; рваные брезентовые палатки.

– Чудовищно, – сказала Хелен, и Дороти кивнула, продолжая читать журнал.

Это и правда было чудовищно, и Хелен понимала, что должна жалеть этих бедных людей. Она не понимала другого: почему они живут в таких кошмарных условиях, ведь они приложили столько усилий, много дней шли пешком, чтобы покинуть свою жестокую страну. И вот они добрались до Кении, почему же о них никто не заботится? Конечно, Хелен об этом думала. Но больше всего, к своему стыду, она жалела о том, что прочитала сейчас эту статью. Сейчас, на таком прекрасном – и таком дорогостоящем – отдыхе, когда ей меньше всего хочется испытывать стыд.

Фатума по три часа собирает хворост. Она ходит за ним с другими женщинами, но даже так они не чувствуют себя в безопасности. Здесь вообще нет понятия «безопасность».

Под гнетом жары, под кричащими солнечными лучами у ярко-голубого бассейна Хелен охватило внезапное чувство всепоглощающего безразличия. От этой потери – а это в самом деле была потеря, потеря радости от теплого ветра, от цветов, от прекрасного утра, превратившегося в унылое ожидание, пока Джим

наиграется в гольф, – от этой потери на какое-то мгновение Хелен ощутила тоску, впрочем, быстро растворившуюся в том же безразличии. Однако даже мимолетная тоска сделала свое дело. Хелен поерзала в шезлонге, скрестила лодыжки. Ей вдруг подумалось, что своих детей она уже потеряла; представилось, что она живет в доме престарелых и совсем повзрослевшие дети навещают ее, потому что так положено. Она говорит им: «Все пролетает так быстро», имея в виду, конечно, саму жизнь, а дети смотрят на нее с сочувствием, ожидая, когда прилично будет раскланяться и уйти ко множеству дел, наполняющих их молодые годы. «Я стану им в тягость», – думала Хелен, и эта картина, такая реальная, стояла у нее перед глазами. Прежде ей это и в голову не приходило.

Ветерок нежно перебирал листья пальмы.

«Ну что за глупости!» – сказали ей женщины из книжного клуба, когда она проводила младшего сына в колледж в Аризоне и очень переживала. Пустое гнездо – это свобода. Пустое гнездо придает женщине сил. Это мужчины сдают. Мужчинам вообще тяжело после пятидесяти.

Хелен закрыла глаза от солнца и увидела детей – как они весело плещутся в бассейне возле дома в Западном Хартфорде, вылезают из воды и снова запрыгивают, сверкая мокрыми гладкими коленками; как подростками они выходят гулять из дома в Парк-Слоуп в компании друзей; как они уютно устроились на диване у нее под боком и все вместе смотрят телевизор.

Она открыла глаза:

– Дороти.

Дороти повернула к ней лицо в темных очках.

– Я скучаю по детям.

Дороти снова уткнулась в журнал.

– Боюсь, что в этом ты одинока.

Немецкая овчарка с белым пятном на морде ждала под дверью, беспокойно виляя хвостом.

- Привет, собачка. - Боб погладил ее по голове и вошел.

В доме было очень холодно. Зак, за всю дорогу не проронивший ни слова, сразу пошел к себе наверх.

- Зак, - позвал Боб, - иди поговори с дядей.

- Отстань от него, - сказала Сюзан, поднимаясь вслед за сыном.

Вскоре она вернулась в свитере с оленем на груди.

- Есть отказался. Его держали в камере, и он от страха полумертвый.

- Дай я с ним поговорю, - предложил Боб и добавил тише: - Ты ведь этого хотела.

- Потом. Сейчас не трогай его. Он не любит говорить. Ему и так пришлось несладко.

Сюзан открыла дверь кухни, и собака зашла с виноватым видом. Сюзан насыпала ей в миску сухого корма, вернулась в гостиную и села на диван. Боб устроился рядом. Сюзан достала вязание.

Вот и встретились...

Боб понятия не имел, что делать дальше. Джим бы сразу сообразил. У Джима были дети, у Боба нет. Джим умел руководить, Боб нет. Он сидел на диване, не снимая куртки, и его взгляд блуждал по комнате. У плинтусов скопилась собачья шерсть.

– Есть что выпить? – спросил он у Сьюзан.

– «Мокси».[З - «Мокси» – безалкогольный газированный напиток, символ штата Мэн.]

– И все?

– И все.

Значит, ничего не изменилось, перемирия не будет. Ежась в куртке и мечтая промочить горло, Боб чувствовал себя военнопленным. Сьюзан это устраивало. Она, как и мать, вообще не прикасалась к спиртному и, вероятно, считала Боба алкоголиком. Боб же считал, что он почти, но не совсем алкоголик, а это большая разница.

Сьюзан спросила, хочет ли он есть. Вроде бы у нее оставалась замороженная пицца. Или банка консервированной фасоли. Или хот-доги.

Боб не собирался есть ни мороженую пиццу, ни баночную фасоль. Он хотел сказать сестре, что нормальные люди так не живут, что именно поэтому он не приезжал сюда пять лет – потому что ему это все поперек горла. Он хотел сказать, что нормальные люди приходят домой после напряженного дня, наливают бокал вина и готовят ужин. Они включают отопление, говорят друг с другом, звонят друзьям. Ребятишки Джима вечно носились вверх-вниз по лестнице. «Мам, где мой зеленый свитер? Скажи Эмили, чтобы дала мне фен! Папа, ну ты же разрешил мне вернуться к одиннадцати!» Даже Ларри, самый тихоня, хохотал: «Дядя Боб, а помнишь тот анекдот про вигвам? Ты мне в детстве рассказывал». В Стербридж-Виллидж они влезали в кандалы и деревянные колодки для преступников и кричали: «Фотографируй! Фотографируй!» Зак тогда был такой тощий, что в железный браслет кандалов помещались обе его ноги. Он все время молчал как мышка.

– Бобби, его посадят? – Сьюзан перестала вязать, и лицо у нее вдруг стало как у девчонки.

– Да брось, Сьюзи, вряд ли. – Боб вынул руки из карманов и оперся локтями на колени. – Это мелкое хулиганство.

– Он ужасно перепугался. В жизни его таким не видела. Если его посадят, он просто умрет.

– Джим уверяет, что Чарли Тиббеттс отличный адвокат. Все будет хорошо.

Вошла собака – снова с таким виноватым видом, будто ее должны были побить за съеденный корм. Она улеглась возле Сьюзан, положив голову ей на ногу. Боб еще никогда не видел такой грустной псины. Вспомнилась мелкая твякающая собачонка, которую держали соседи снизу. Но сколько он ни старался думать о своей нью-йоркской квартире, друзьях, работе, все это казалось нереальным. Он сидел и смотрел, как сестра вяжет.

– Как дела на работе? – спросил он Сьюзан.

Она много лет проверяла людям зрение в салоне оптики; Боб даже не представлял, что это за работа и нравится ли она сестре.

Сьюзан не спеша тянула нитку из клубка.

– Мы, дети беби-бума, стареем, так что клиенты у оптики есть. Иногда сомалийцы заходят. Нечасто, но бывает.

Помолчав, Боб спросил:

– И какие они?

Сьюзан покосилась на него, будто ожидая подвоха.

– Немного себе на уме. Никогда не записываются заранее. Боязливые. Не знают, что такое кератометр. Одна вела себя так, будто я пытаюсь ее заколдовать.

– Я тоже не знаю, что такое кератометр.

– Да никто не знает, Боб! Но обычно люди не считают его ведьминской штуковиной. – Сьюзан яростно щелкала спицами. – А еще они торгуются. В первый раз меня это просто шокировало. Потом я узнала, что для них в порядке вещей бартер. Никаких кредиток. В кредиты они не верят. То есть, пардон, не

верят они в проценты. Платят только наличными, и где только их берут... – Сьюзан покачала головой. – Вот они все ехали и ехали к нам, а денег в городе и так не было, и властям пришлось обращаться в федеральный бюджет. И вообще, если учесть, насколько наш город был не подготовлен к такому нашествию, их приняли очень и очень хорошо. У каждого либерала в Ширли-Фоллз появилась благородная цель. Сам знаешь, как вам, либералам, это необходимо. – Сьюзан опустила спицы, и на ее лице появилась тень такого детского изумления, что она снова сделалась похожей на девчонку. – Можно я скажу одну вещь?

Боб поднял брови.

– Меня просто поражают люди, которые напоказ так и стараются помочь этим сомалийцам. Например, Прескотты. У них раньше был обувной магазин на Южном рынке, может, он уже и закрылся, не знаю... В общем, Каролина Прескотт с невесткой водят сомалийских женщин по магазинам, покупают им холодильники, и посудомоечные машины, и кучу всяких кастрюль-сковородок. И я вот думаю – это что, так ужасно, что я не хочу покупать никакой сомалийке холодильник? Не то чтобы у меня есть на это деньги, но если бы даже были. – Сьюзан посмотрела перед собой остановившимся взглядом, потом снова защелкала спицами. – Я вот не хочу таскать этих женщин за собой, покупать им всякие вещи и хвастаться этим на весь город. Такая вот я циничная. – Она закинула ногу на ногу, подергала ступней. – У меня есть подруга, Шарлин Берджерон. Когда у нее нашли рак груди, люди предлагали помочь ей с детьми, возили ее на процедуры. А потом через несколько лет ее бросил муж. И ничего! Тишина! Всем плевать! Никто не предложил ей помощь. И это очень обидно, Боб. Со мной было так же, когда ушел Стив. Я была перепугана насмерть. Не знала, смогу ли содержать дом. Но никто не предложил купить мне холодильник. Да что там, никто не предложил купить еды. А я тут просто умирала, честное слово. И мне было куда более одиноко, чем этим сомалийкам. У них-то вечно полон дом народу.

– Мне очень жаль, Сьюзи.

– Люди такие странные... – Сьюзан утерла нос тыльной стороной ладони. – Некоторые считают, что сомалийцы ничем не отличаются от канадских французов, которые толпами приезжали работать на фабрике. Но они отличаются, потому что, хоть никто об этом и не говорит, они сами не хотят здесь жить. Не хотят быть частью страны. Они только ждут, когда можно будет уехать домой. Сидят тут и осуждают то, как мы живем. Честно говоря, мне это

очень обидно. И держатся они особняком.

- Канадские французы тоже много лет держались особняком.

- Это другое дело, Боб. - Она дернула нитку. - Между прочим, их уже не называют канадскими французами. Франкоамериканцы, будьте любезны. И сомалийцам, кстати, не нравится, когда их сравнивают. Мол, они совершенно другие. Такие все несравненные.

- Они мусульмане.

- А я и не заметила.

Боб вышел покурить. Когда он вернулся, Сюзан доставала из морозилки хот-доги.

- Эти, как их, отрезают девочкам клитор, - сообщила она, наливая воды в кастрюлю.

- Ой-вей, Сюзан.

- Сам ты ой-вей, прости господи. Хот-дог будешь?

Боб сел за стол прямо в куртке.

- Здесь такие операции давно запрещены. И они сомалийцы, а не «эти, как их».

Сюзан повернулась к нему, прижимая к груди вилку:

- Вот почему вы, либералы, такие кретины? Ты уж извини, но так оно и есть. Они делают это дома, и маленькие девочки истекают кровью. Их привозят в больницу из школы, потому что кровь не останавливается. Или семья копит деньги и отправляет девочку в Африку, чтобы с ней это проделали там.

- Может, стоит и Заку предложить поесть? - Боб потер ладонью загривок.

– Я отнесу ему в комнату.

– Знаешь, Сьюзан, теперь также не принято говорить «негр». И называть людей умственно отсталыми. Тебе правда стоит это запомнить.

– Да ради всего святого, Боб! Я просто издевалась над тобой. Ты так смешно вытягивал шею. – Сьюзан посмотрела в кипящую воду и добавила: – Вот был бы здесь Джим... Ты уж не обижайся.

– Я и сам бы этого хотел.

Сьюзан повернула к нему покрасневшее лицо:

– Однажды, сразу после процесса над Пэкером, я слышала, как одна пара обсуждает его в торговом центре. Они говорили, что Джим решил выступить не обвинителем, а адвокатом, просто чтобы получить громкое дело и большие деньги. Меня это буквально убило.

Боб отмахнулся:

– Дураки. Это в порядке вещей – в течение карьеры выступать то обвинителем, то адвокатом. И в той хартфордской конторе он уже работал защитником. Юрист всегда защитник, просто он может защищать обвиняемого, а может защищать народ. Это дело свалилось на Джима как снег на голову, и он справился с ним блестяще. И неважно, что люди думают – виновен был Уолли или нет.

– И все-таки большинство тех, кто помнит Джима, его любят. Людям нравится видеть его по телевизору. Они говорят, Джим никогда не строит из себя всезнайку. И это правда.

– Да, правда. Он, кстати, терпеть не может выступать по телевизору. Просто в конторе настаивают. Думаю, во время процесса над Пэкером ему нравилось быть у всех на слуху, но теперь уже вряд ли. Вот Хелен это нравится. Она всегда всех оповещает, когда он в очередной раз будет выступать.

– Ну, Хелен-то конечно...

Любовь к Джиму объединяла близнецов. Боб воспользовался моментом, поднялся и объявил, что ужинать будет не дома.

- То итальянское кафе еще открыто? - поинтересовался он.

- Ну да.

На улице было темно. Боб всегда поражался, насколько темно по вечерам за пределами большого города. Он доехал до продуктового магазинчика и купил две бутылки вина - в Мэне вино продают в продуктивном. Боб выбрал то, у которого пробка откручивалась и можно было открыть без штопора. Ширли-Фоллз изменился гораздо сильнее, чем Боб ожидал, но все равно он постарался объехать дом своего детства стороной. После смерти матери (а она умерла очень давно, Боб уже потерял счет годам) он не приближался к этому дому. Он остановился перед знаком «стоп», свернул направо и увидел старое кладбище, а слева деревянные четырехэтажки. Это уже был почти центр города. Боб миновал здание, где прежде располагался главный универмаг «Пекс», когда еще не построили торговый центр за рекой. В этом универмаге Бобу в детстве покупали одежду в школу. Он хорошо помнил чувство мучительной неловкости и стыда, когда продавец подворачивал ему брючины и мерил длину в шаге - от щиколотки до промежности. Мама кивала и спрашивала еще красный и темно-синий свитер под горло. Теперь универмаг стоял пустой, с заколоченными витринами. Боб ехал мимо мест, где раньше были автобусная остановка, кофейни, журнальные киоски, пекарни. И вдруг под фонарем увидел чернокожего человека - высокого, грациозного, в широкой рубашке, поверх которой, кажется, был накинут жилет, Боб точно не разглядел. На плечах у человека был черно-белый шарф с кисточками. «Вот пожалуйста, - пробормотал Боб себе под нос, - еще один». И, несмотря на то, что он прожил много лет в Нью-Йорке и какое-то время даже защищал обвиняемых с любым цветом кожи и самых разных вероисповеданий (пока не решил, что работа в суде для него слишком большой стресс, и не переключился на апелляции), несмотря на то, что свято верил в величие конституции и в права человека - любого человека - на жизнь, свободу и стремление к счастью, несмотря на все это Боб Бёрджесс поглядел вслед скрывшемуся за поворотом мужчине в черно-белом шарфе и подумал - пусть на какую-то секунду, но подумал: «Лишь бы их не развелось тут слишком много...»

На стеклянной двери итальянского кафе «Антонио», угнездившегося позади заправки, висел знак с большими оранжевыми буквами. Боб посмотрел на часы

на приборной панели. Девять часов. Суббота, девять часов вечера, и кафе «Антонио» закрыто. Боб свинтил крышку с бутылки вина. На него накатило чувство, с трудом поддающееся описанию, – острая, как вожделение, смесь отчаянной тоски и боли, беззвучный вскрик при виде чего-то невыразимо прекрасного, желание прижаться лбом к большим коленям родного города.

Боб доехал до продуктового магазинчика, купил пачку замороженных моллюсков во фритюре и повез их к Сьюзан.

* * *

Абдикарим Ахмед шагал не по тротуару, а прямо по проезжей части улицы, чтобы держаться подальше от подворотен, где кто-нибудь мог притаиться в темноте. Лампочка над дверью квартиры в доме двоюродной сестры опять перегорела. Под детские возгласы «Дядя!» Абдикарим направился по коридору к своей комнате, где на стенах висели персидские ковры. Хавейя повесила их, когда он только вселился сюда, много месяцев назад. Тканые узоры поплыли перед глазами, и Абдикарим сжал пальцами виски. Мало того, что человек, которого сегодня арестовали, был в их поселении никому не известен. (Вообще-то, все предполагали, что это сделал один из местных. Из тех молодчиков с мощными руками в наколках, что пьют пиво с утра на крыльце и ездят в ревущих фургонах с наклейками на бампере: «Белые – сила! Остальные – прочь!») Мало того, что этот Зак Олсон жил в приличном доме с матерью и работал, мать его тоже работала. Больше всего Абдикарима пугало другое. То, от чего у него сосало под ложечкой и голова сжималась от боли. То, что произошло тогда вечером. Двое полицейских приехали вскоре после звонка имама и стояли в мечети – в темных униформах, с пистолетами в портупеях, – стояли, глядели на свиную голову и усмехались. Потом сказали: «Ну ладно, ребята». Заполнили бумаги, расспросили свидетелей. Приняли серьезный вид. Сфотографировали место преступления. Не все заметили их усмешки. Но Абдикарим был совсем близко, в холодном поту под молитвенными одеждами. Сегодня старейшины попросили его описать увиденное раввину Голдману, и он изобразил все в лицах – улыбочки этих людей, то, как они, переглядываясь, говорили по рации, их негромкие смешки. Раввин Голдман скорбно качал головой.

В дверях появилась Хавейя, утирая нос.

– Ты голоден? – спросила она.

Абдикарим ответил, что поел в доме Ифо Нура.

- Что-то еще случилось? - тихо спросила Хавейя.

К ней подбежали дети, и она длинными пальцами погладила сына по голове.

- Нет. Ничего нового.

Хавейя кивнула, качнув серьгами, и увела детей назад в гостиную. Она почти целыми днями не выпускала их из дома, заставляла сидеть и снова повторять, кем были их предки - прадед, прапрадед и так далее, в глубину веков. Американцы мало интересовались собственными прародителями, но в Сомали любой мог перечислить своих предков, и Хавейя не хотела, чтобы дети их позабыли. И все же держать детей взаперти было очень трудно. Кому понравится так много дней не видеть неба. Но когда пришел домой Омад - он работал переводчиком в больнице, - то сказал, что пойдет с ними в парк. Омад и Хавейя приехали в эту страну раньше остальных и стали уже не так пугливы. Им пришлось пожить в очень нехороших районах Атланты, где наркоманы грабили людей в собственных домах. По сравнению с теми местами Ширли-Фоллз - прекрасный и спокойный город. Так что сегодня ее дети носились по опавшим листьям под почти голубым небом, а Хавейя любовалась на них, утомленная постом и прозрачным осенним воздухом, от которого - она сама не понимала почему - у нее вдруг потек нос и зачесались глаза.

Прибравшись на кухне и вымыв пол, Хавейя снова зашла к Абдикариму. Она относилась к нему с большим теплом и сочувствием. Бедняга приехал в Ширли-Фоллз год назад и обнаружил, что его жена Аша, которую он отправил сюда ранее вместе с детьми, жить с ним больше не желает. Она забрала детей и отправилась в Миннеаполис. Стыд какой! Абдикарим считал, что всему виной Америка. Это здесь Аша научилась такой упрямой независимости. Но Хавейя думала иначе: Аша, на много лет моложе Абдикарима, всегда отличалась своеволием, некоторые люди такими рождаются. В довершение всех бед Аша была матерью единственного выжившего сына Абдикарима. От других жен остались только дочери. Абдикарим, как и многие, пережил много потерь.

Теперь он сидел на кровати, вдавливая кулаки в матрас. Хавейя прислонилась к дверному косяку.

– Сегодня вечером звонила Маргарет Эставер. Говорит, волноваться не о чем.

– Знаю, знаю... – Абдикарим отмахнулся. – Она считает, что он, как Виил Ваал, не от мира сего.

– Аянна не хочет пускать детей в школу в понедельник, – шепотом сообщила Хавейя и чихнула. – Омад сказал ей, что им там ничего не угрожает, а она говорит, их там бьют и пинают, стоит учителю отвернуться.

Абдикарим кивнул. В доме Ифо Нура сегодня обсуждали происходящее в школе. Учителя обещали строже следить за детьми после инцидента со свиной головой.

– Все обещают быть внимательней, – произнес он, вставая. – Спите спокойно. И сделай что-нибудь с лампочкой над дверью.

– Завтра куплю новую в «Уолмарте». – Хавейя лукаво улыбнулась. – Будем надеяться, Виил Ваал там больше не работает.

И она ушла, покачивая серьгами.

Абдикарим потер лоб. В доме Ифо Нура раввин Голдман сидел со старейшинами и просил их проявить истинное миролюбие ислама. Это было оскорбительно. Разумеется, они проявят миролюбие! Раввин Голдман заверил, что многие горожане поддерживают право сомалийцев жить здесь и, чтобы показать это, готовы устроить демонстрацию после окончания Рамадана. Старейшины не хотели никаких демонстраций. Ни к чему собирать людей в толпу. Но добродушный раввин Голдман сказал, что это будет полезно городу. Полезно городу! Каждое слово как удар палкой: это не ваше поселение, не ваш город, не ваша страна.

Абдикарим стоял у кровати и гневно щурился. Где же были американские раввины Голдманы, когда его старшая дочь и четверо внуков вышли из самолета в аэропорту Нэшвилла? Никто не встречал ее, а бегущая лестница под названием «эскалатор» так напугала детей, что они могли лишь стоять и смотреть, а люди толкали их, смеялись и показывали пальцем. Где были американские раввины Голдманы, когда сосед принес Аамууну пылесос, но Аамуун не понял, что это, и никогда им не пользовался, а сосед стал говорить всем в городе, что сомалийцы неблагодарные? Где были раввины Голдманы и

унитарианские священницы, когда маленькая Калила в закусочной «Бургер Кинг» приняла кран, разливающий кетчуп, за ручкомойник? Увидев, что Калила перепачкала все вокруг, мать отвесила ей оплеуху, и к ним подошла женщина и заявила, что в Америке не принято бить детей. Где тогда был раввин? Разве ему понять, каково это?

Абдикарим тяжело осел на матрас. Где уж понять это раввину, который вернулся в свой безопасный дом к волнующейся жене? Абдикарима снова накрыл стыд при воспоминании, как он положил в рот кусок мууфо, кукурузной лепешки, и втайне ощутил животный восторг от ее вкуса. В лагерях он постоянно жил с чувством голода. Голод был ему как жена, он сопровождал его повсюду – непрекращающееся, изматывающее желание. И теперь, в Америке, для Абдикарима было изощренной пыткой ловить себя на том, что он по-прежнему испытывает звериную тягу к еде. Так унижительно... Потребность есть, испражняться, спать – все эти естественные потребности для Абдикарима давно утратили роскошь естественности.

Водя пальцем по узорному покрывалу, он бормотал «Астагфируллах» – «Я ищу прощения». Наверняка причиной кровопролитий на родине стало то, что его народ не следовал истинному пути ислама. Закрыв глаза, он произнес последнее на сегодня «аль хамду лилля», благодарность Аллаху. Все добро исходило от Аллаха, зло же – от людей, позволивших семенам порока прорасти в их сердцах. Но почему зло разрасталось беспрепятственно, как раковая опухоль? Этот вопрос то и дело вставал перед Абдикаримом. И ответа на этот вопрос он не знал.

* * *

Первую ночь Боб провел на диване не раздеваясь. Даже куртку снимать не стал, так было холодно. Задремать удалось лишь под утро, когда сквозь жалюзи начал пробиваться свет. Его разбудил крик Сьюзан.

– Пойдешь на работу как миленький! Никто не заставляет тебя делать эту кошмарную глупость! Теперь изволь принести в дом двести долларов, которые я потратила на твое освобождение. А ну марш!

Зак что-то буркнул в ответ, входная дверь хлопнула, машина завелась и уехала.

На пороге возникла Сюзан и через всю комнату швырнула Бобу газету.

- Молодец, - сказала она.

Боб посмотрел на газету, приземлившуюся на пол у дивана. На передовице была большая фотография Зака, выходящего из тюрьмы с улыбкой до ушей. И заголовок: «Шутки в сторону».

- Ой-вей, - вздохнул Боб, с трудом приподнимаясь.

- Я на работу, - крикнула Сюзан из кухни.

Хлопнула дверца кухонного шкафа, потом входная дверь, загудел мотор.

Боб сидел неподвижно, лишь глаза блуждали по комнате. Опущенные жалюзи на окнах были цвета топленого молока, а на обоях похожего оттенка парили изящные синие птицы с длинными клювами. На верхней полке деревянного шкафа стояли сокращенные версии бестселлеров, выпускаемые журналом «Ридерз Дайджест». Обивка кресла в углу вытерлась на подлокотниках до дыр. Ничто в этой комнате не было предназначено для комфорта, и Боб чувствовал себя неуютно.

Заметив какое-то движение на лестнице, он инстинктивно вздрогнул от испуга. Сначала появились розовые махровые тапки, затем их тощая престарелая хозяйка.

- Почему вы сидите в куртке? - спросила она, глядя на Боба сквозь огромные очки.

- Я замерз.

Миссис Дринкуотер сошла с лестницы и оперлась на перила.

- В этом доме всегда холодно, - заметила она, обводя глазами комнату.

- Если вы тоже мерзнете, скажите Сюзан, - помявшись, ответил Боб.

Она присела в кресло и поправила на носу очки костлявым пальцем.

– Я не жалуясь. У Сьюзан не так много денег. Ей уже много лет не поднимали зарплату. А какие сейчас цены на бензин! – Она взмахнула рукой над головой. – Боже милосердный!

Боб поднял с пола газету и положил на диван рядом с собой. Зак улыбался ему с передовицы, и Боб перевернул газету фотографией вниз.

– В новостях про это говорили, – сказала миссис Дринкуотер.

Боб кивнул.

– Они оба на работу поехали.

– О, я знаю, дорогуша. Я спустилась за газетой. Сьюзан оставляет мне ее по воскресеньям.

Боб протянул газету, старушка положила ее к себе на колени и осталась сидеть.

– Слушайте, а часто Сьюзан на него кричит? – спросил Боб.

Миссис Дринкуотер посмотрела по сторонам, и Боб подумал, что она не ответит.

– Раньше бывало. Когда я только въехала. – Она заложила ногу на ногу и стала подергивать ступней в слишком большом тапке. – Конечно, это было сразу после того, как от нее ушел муж. Если спросите меня, мальчик за всю жизнь мухи не обидел. Он очень одинокий, вы не находите?

– Да, он всегда был одиноким. Хрупким – ну, в эмоциональном плане. А может, просто недостаточно взрослым. Что-то вроде того.

– Мы все ждем, что наши дети будут как с картинки в глянцевом каталоге. – Миссис Дринкуотер задергала ступней еще сильнее. – А они не такие. Хотя, должна признать, Зак куда более одинокий, чем большинство его сверстников. И вообще, он плачет.

- Плачет?

- Да, у себя в комнате. Я иногда слышу. И до всей этой истории со свиной головой он тоже плакал. Уж извините, что ябедничаю, но вы все-таки его дядя. Как правило, я стараюсь не совать нос не в свое дело.

- А Сьюзан слышит?

- Не знаю, дорогуша.

Пришла собака, ткнулась длинным носом в его колени. Боб погладил жесткую шерсть на ее голове, похлопал по полу, чтобы она легла.

- А друзья у него хоть какие-нибудь есть?

- Домой к нему никто не приходил ни разу.

- Сьюзан говорит, он сам додумался бросить эту свиную голову.

- Может, и так. - Миссис Дринкуотер поправила очки. - Однако тут многие не прочь сделать то же самое. Сомалийцам не все рады. Я-то против них ничего не имею. Только они носят все это тряпье. - Она помахала перед лицом костлявой ладонью. - Одни глаза видны. Уж не знаю, правда или нет, но говорят, что они держат в шкафах кур. Вот уж странные люди, боже милосердный...

Боб встал, нащупал в кармане куртки телефон:

- Прошу прощения, я выйду покурить.

- Конечно, дорогуша.

Встав под кленом в сени пожелтевших листьев, Боб зажег сигарету и, прищурясь, посмотрел на экран телефона.

Джим, обгоревший на солнце и блестящий от пота, демонстрировал Хелен, каким образом он обыграл всех в гольф.

– Главное – правильно двигать запястьем. – Он чуть присел, согнул руки в локтях и взмахнул воображаемой клюшкой. – Видишь, Хелли? Видишь, как я работаю запястьем?

Хелен сказала, что видит.

– Я был на высоте. Даже этот хрен, доктор, был вынужден согласиться. Он из Техаса. Омерзительный коротышка. Причем не знал, что такое «техасский коктейль». Ну ничего, я просветил. – Джим наставил на Хелен палец. – Это, говорю, то самое, чем вы там у себя убиваете людей – теперь, после того, как перестали поджаривать их на шкварки. Тиопентал натрия, бромид панкурония и хлорид калия. Но он мне на это ничего не ответил, плюгавый хер. Только улыбнулся мерзенько.

Джим утер лоб и снова встал в позицию для очередного удара несуществующей клюшкой. Дверь на террасу была приоткрыта, и Хелен прошла закрыть ее – мимо него и мимо вазы с лимонами.

– Видела? Вот как надо! – Джим вытер лицо рубашкой, в которой ходил играть. – Так вот, говорю этому херу, раз уж вы так держитесь за смертную казнь, первый признак осквернения цивилизованного общества бесчеловечным варварством, почему бы вам не научить своих неандертальцев-палачей хотя бы в вену попадать?! А не колоть свою адскую смесь в мышцу, как тому несчастному ублюдку, который лежал и мучился полчаса?! Кстати, знаешь, на чем этот хер специализируется? Он дерматолог. Делает подтяжки лица и зада. Я пошел в душ.[4 - Последнюю смертную казнь в Техасе до введения моратория провели с ошибкой, в результате чего казнимый оставался в сознании около двадцати минут вместо обычных трех-пяти, и смертельная инъекция была сделана ему повторно. От первого укола до смерти прошло тридцать четыре минуты.]

– Джим, звонил Боб.

Джим остановился на полпути в ванную.

– Зак вышел на работу. За него внесли двести долларов залога. Сьюзан тоже на работе. Очередь Зака на предъявление обвинения подойдет не раньше, чем через несколько недель. И еще Боб сказал, что Чарли Тиббеттс сумел получить какую-то справку. Вроде бы так. Извини, эту часть я не поняла.

Хелен выдвинула ящик комода, чтобы показать Джиму сувениры, которые пошлет детям.

– Тамошные порядки. Обвинения предъявляются по расписанию. Зак должен присутствовать?

– Не знаю. Вроде нет.

– Какой у Боба был голос?

– Да как обычно.

– Что значит «как обычно»?

Джим спросил это таким тоном, что Хелен закрыла ящик и обернулась:

– Я не понимаю вопроса. Ты хотел знать, какой у Боба был голос, я ответила. Какой обычно. Такой, какой обычно голос у Боба.

– Милая, ты меня сейчас с ума сведешь. Я пытаюсь понять, что у них там происходит в этой чертовой дыре, и твое «как обычно» мне ничуть не помогает. Какой, по твоему мнению, обычно голос у Боба? Радостный? Серьезный?

– Не надо устраивать мне перекрестный допрос. Ты там играл в гольф в свое удовольствие, а меня бросил в компании старой брюзги Дороти, которая заставила меня читать про лагеря беженцев в Кении, а это совсем не веселое занятие, не в пример гольфу. А потом зазвонил мой – мой! – телефон, Пятая симфония Бетховена, дети поставили мне ее на звонки от Боба, так что я сразу поняла, что это он. Он знал, что тебя лучше не трогать, и позвонил мне, как будто я твоя секретарша!

Джим сел на кровать и уставился на ковер. Хелен знала этот его взгляд. Они с Джимом были женаты много лет. Он редко сердился на жену, и она это очень ценила, считая доказательством уважения. Но такой вот взгляд означал, что Джим пытается сохранить самообладание, столкнувшись с ее глупостью, и мириться с этим ей было не так-то просто.

Хелен попыталась перевести все в шутку, хотя по голосу чувствовалось, что ей не смешно.

- Ладно, прошу вычеркнуть вышесказанное из протокола. Показания свидетеля к делу не относятся.

Джим продолжал смотреть на ковер.

- Он просил меня перезвонить ему? Да или нет? - спросил он наконец.

- Нет, не просил.

Джим поднял глаза:

- Это все, что мне требовалось узнать. - Он встал и пошел в ванную. - Я в душ. Мне очень жаль, что тебе пришлось остаться с брюзгой Дороти. Никогда ее не любил.

- Ты издеваешься? Почему мы вообще с ними поехали? - спросила Хелен.

- Дороти - жена управляющего партнера, Хелен.

Джим закрыл дверь в ванную и включил воду.

* * *

Ужинали на открытой веранде, любуясь закатом над морем. Хелен надела белую льняную блузу, черные капри и балетки.

– Девочки, вы сегодня прелестны, – с улыбкой сказал Алан. – Что собираетесь делать завтра?

Он сидел рядом с Дороти и то и дело поглаживал ее по руке выше локтя. На тыльной стороне ладони у него были веснушки. И на плешивой голове тоже.

– Завтра, пока вы будете играть в гольф, мы с Дороти пойдем завтракать в «Лимонную дольку», – ответила Хелен.

– Хорошая идея. – Алан кивнул.

«Как все-таки паршиво быть женщиной, – думала Хелен, теребя сережку. – А впрочем... пожалуй, нет». Она пригубила виски с лимонным соком.

– Хочешь попробовать? – спросила она Джима.

Джим с отсутствующим видом покачал головой.

– Неужто завязал? – ехидно поинтересовалась Дороти.

– Джим почти не пьет, – сказала Хелен. – Я думала, ты знаешь.

– Боишься потерять контроль? – не унималась Дороти.

Хелен ощутила укол гнева, но тут Дороти указала на что-то пальцем и воскликнула:

– Смотрите! Какая красота!

Рядом с ними над цветком зависла крохотная колибри. Дороти наклонилась к ней, стиснув подлокотники кресла. Джим под столом положил руку на колено Хелен и легонько сжал, а Хелен одними губами послала ему воздушный поцелуй. Потом все четверо неторопливо ужинали, тихо позвякивая столовыми приборами, и после второго бокала виски с соком Хелен даже рассказала историю, как вскоре после процесса над Уолли Пэкером она танцевала на столе в боулинг-клубе. Она в тот раз выбивала один страйк за другим, а потом перебрала пива и полезла плясать на стол.

– Жаль, что я этого не видела, – проговорила Дороти.

Алан с рассеянной улыбкой задержал взгляд на Хелен чуточку дольше, чем требовали приличия, потом потянулся через стол и слегка тронул ее за руку.

– Джим, ты везунчик.

– Это уж точно, – отозвался Джим.

6

Долгий и пустой день в ожидании звонка от Джима тянулся для Боба бесконечно. Другой на его месте нашел бы себе занятие. И Боб это понимал. Другой на его месте пошел бы в магазин, купил бы продуктов, встретил бы Зака и Сьюзан горячим ужином. Или поехал бы на побережье и любовался прибоем. Или погулял бы в горах. А Боб весь день, если не считать коротких вылазок с сигаретой на заднее крыльцо, просидел в гостиной, по диагонали читая романы в кратком пересказе «Ридерз Дайджест». Он даже пролистал дамский журнал – с грустью, поскольку раньше Сьюзан не покупала дамских журналов. Там были советы, как оживить сексуальную жизнь после многих лет в браке (удивите его игривым нижним бельем), как худеть, не вставая с рабочего места, и как подкачать дряблые бедра.

Вернулась Сьюзан.

– Не ожидала тебя здесь увидеть. После того, какую кашу ты заварил с утренней газетой.

– Ну, я же хочу помочь... – Боб отложил журнал.

– Вот я и говорю, не ожидала тебя здесь увидеть.

Сьюзан выпустила собаку во двор, сняла пальто.

– Завтра утром я встречаюсь с Чарли Тиббеттсом. Сама знаешь.

– Он мне звонил. Говорит, что задерживается. Будет в городе только во второй половине дня.

– Ладно. Значит, встречу с ним во второй половине дня.

Когда в дверь вошел Зак, Боб встал ему навстречу.

– Иди-ка сюда. Поговори со своим стариком-дядей. Начнем с того, как прошел сегодня твой день.

Зак стоял перед ним бледный и напуганный. Подстриженные ежиком волосы не закрывали беззащитно торчащие уши, однако черты лица уже были по-взрослому угловатыми.

– Э-э... давайте попозже.

Парень вновь скрылся в своей комнате, и, как и накануне, Сьюзан отнесла ему туда еду. На этот раз Боб никуда не поехал, остался на кухне пить вино из кофейной чашки и есть разогретую в микроволновке мороженую пиццу. Он и забыл, как рано ужинают в Мэне, была всего лишь половина шестого. Весь вечер они в молчании смотрели телевизор. Пульт был у Сьюзан, и она переключала канал всякий раз, когда начинались новости. Телефон по-прежнему молчал. В восемь Сьюзан отправилась спать. Боб вышел на заднее крыльцо покурить, вернулся, прикончил вторую бутылку вина. Спать не хотелось. Он принял таблетку снотворного, потом еще одну. Вторая ночь выдалась такой же ужасной, как первая, и он провел ее так же, в куртке, на диване.

Разбудили его гроыхающие дверцы кухонных шкафов. Сквозь жалюзи настойчиво пробивался утренний свет. Боба мутило, как бывает, когда заснешь на снотворном и тебя поднимут слишком рано. Вместе с дурнотой пришла мысль, что сестра в ярости поразительно похожа на мать, на ту в их детстве порой накатывали приступы буйного гнева. Объектом никогда не бывал Боб, только собака, или укатившаяся со стола и разлетевшаяся вдребезги банка арахисового масла, или – чаще всего, почти всегда – Сьюзан, которая вечно горбится, не может как следует погладить рубашку и убрать свою комнату.

– Сьюзан... – Язык не слушался.

Сестра остановилась в дверях.

– Зак уехал на работу, – сообщила она. – И я тоже уеду, как только приму душ.

Боб прижал ладонь ко лбу в пародии на воинское приветствие, встал, нашел ключи от своей машины.

Вел он очень аккуратно, как будто сел за руль после долгой болезни. Сквозь лобовое стекло мир казался каким-то далеким. На заправке Боб зашел в магазинчик и был ошеломлен и даже почти напуган окружившим его со всех сторон разношерстным ассортиментом – пыльными солнечными очками, батарейками, дверными замками, сладостями. За прилавком стояла молодая темнокожая женщина с большими карими глазами. Одурманенное сознание Боба восприняло ее как нечто чужеродное. Женщина немного напоминала индианку, а сознание говорило Бобу, что продавец в Ширли-Фоллз должен быть белым и почти обязательно толстым. Вместо этого сюда пересадили лоскуток Нью-Йорка, где продавец мог выглядеть как угодно. Только вот смотрела эта темноглазая женщина совсем не любезно, и Боб почувствовал себя незванным гостем. Он тупо побродил между полками, кожей ощущая настороженность продавщицы и чувствуя себя так, будто что-то украл, хотя в жизни не крал в магазинах.

– Кофе? – спросил он.

Продавщица указала ему на автомат. Боб наполнил стаканчик из вспененного пластика, взял упаковку пончиков в сахарной пудре. Заметил на полу вчерашние газеты с фотографией улыбающегося Зака и тихо застонал. Проходя мимо холодильника, увидел бутылки вина, вытащил одну, звякнув ею о соседние, и сунул под мышку. Он надеялся уехать сегодня же после встречи с Чарли Тиббеттсом, но если придется опять ночевать у Сьюзан, следовало запастись вином. Боб поставил на прилавок бутылку и кофе, выложил пончики, попросил сигареты. Продавщица не смотрела ему в глаза – ни когда клала перед ним пачку сигарет, ни когда называла сумму. Она молча подтолкнула к нему сплюснутый бумажный пакет, из чего следовало, что складывать покупки надо самостоятельно.

Боб сел за руль. Во рту было тепло от кофе. Сахарная пудра осыпалась с пончиков на куртку и размазалась белыми полосами, когда он попытался ее стряхнуть. Боб поставил стаканчик в подстаканник рядом с рычагом переключения передач, начал сдавать назад, и вдруг до него дошло, что он слышит какой-то резкий звук. Минуло несколько долгих, медленных секунд, прежде чем он осознал, что это крик человека. Боб заглушил мотор, машина дернулась.

Он бесконечно долго пытался открыть дверь негнувшимися пальцами и наконец смог вылезти наружу.

Позади машины стояла женщина в длинном красном балахоне и тонком платке, повязанном вокруг головы и большей части лица. Она кричала Бобу что-то на непонятном языке и размахивала руками, потом начала колотить по багажнику. Боб шагнул к ней, но она замахала руками еще яростней. Бобу казалось, что все это происходит как в замедленной съемке и в абсолютной тишине. За спиной у женщины стояла еще одна, одетая в такой же балахон и платок, только более темный. Она тоже кричала, потому что рот двигался, и в нем были видны длинные желтые зубы.

- Вы целы? - Боб обнаружил, что и сам кричит.

Он вдруг почувствовал, что не может ни вдохнуть, ни выдохнуть, и попытался сообщить об этом, стуча себя по груди. Из магазина выскочила продавщица, взяла женщину в красном балахоне за руку и заговорила на непонятном языке. Только тогда Боб сообразил, что продавщица, по-видимому, сомалийка. Она повернулась к Бобу и воскликнула:

- Вы пытались сбить ее своей машиной! Уезжайте от нас, сумасшедший!

- Я не хотел! - оправдывался Боб, хватая ртом воздух. - Я ее сбил? Больница вон там, я...

Женщины обменялись очередью чужих, непонятных слов.

- Не надо больницы. Уезжайте.

– Я не могу уехать, – беспомощно возразил Боб. – Я должен сообщить в полицию.

– Зачем в полицию?! – Продавщица повысила голос. – У вас там друзья?!

– Если я сбил эту женщину...

– Вы ее не сбили. Вы пытались сбить. Уходите.

– Это ведь дорожно-транспортное происшествие!.. Как ее зовут?

Боб отошел к машине, чтобы найти какую-нибудь бумажку, на чем записать, а когда обернулся, обе женщины в балахонах со всех ног убегали прочь. Продавщица скрылась в магазине.

– Уходите! – крикнула она через стеклянную дверь.

– Я ее не видел! – Боб поднял руки с раскрытыми ладонями.

Донесся лязг закрывающейся задвижки.

– Уходите!

Очень медленно Боб поехал к Сьюзан. В ванной шумела вода. Сестра вышла в банном халате, вытирая волосы полотенцем.

– Слушай, тут такое дело... – Бобу все еще было трудно дышать. – Придется звонить Джиму.

7

Хелен сидела на террасе номера с чашкой кофе. Снизу слышался плеск воды в фонтане. Террасу увивала жимолость – в жимолости утопал весь отель. Хелен протянула босые ноги к пятну солнца и пошевелила пальцами. Завтрак в «Лимонной дольке» не состоялся. С утра позвонил Алан, сказал, что Дороти

решила отдохнуть у себя, и попросил не обижаться. Хелен обижаться не стала. Ее переполняла радость. Она позавтракала фруктами, йогуртом и булочками, заказав их в номер. Джим собирался пройти девять лунок, а значит, скоро вернется и они будут вместе. Хелен ощущала, как сладко сжимается притаившееся внутри желание.

«Большое спасибо!» – сказала она вежливому служащему, которому звонила попросить, чтобы забрали поднос. Взяв соломенную сумочку, Хелен спустилась в фойе, заглянула в сувенирный киоск и купила журнал со светскими сплетнями. Какое удовольствие читать про все это вместе со своими девочками – устроиться на диване в обнимку и рассматривать вечерние туалеты кинозвезд. «О, мне вот это платье нравится!» – восклицала Эмили, тыкая пальцем в страницу, а Марго вздыхала: «Ты вот на это посмотри! О-бал-денное!» Хелен также купила дамский журнал, потому что на обложке увидела заголовок «Радости пустого гнезда». «Большое спасибо!» – сказала она продавщице и направилась по дорожке, петляющей меж цветущих деревьев и альпийских горок, к пляжу, подставить солнцу лодыжки.

В статье говорилось, что в зрелых отношениях особенно важно смотреть друг другу в глаза. Писать игривые письма по электронной почте. Делать комплименты. Помнить, что ворчливость заразна. Хелен прикрыла глаза под солнечными очками и мысленно скользнула в прошлое, в то время, когда шел процесс над Уолли Пэкером. Она никому об этом не рассказывала, но в те месяцы она поняла, каково это, наверное, быть первой леди. Всегда быть готовой к щелчку фотоаппарата. Всегда думать об имидже. Хелен это понимала. У нее получалось блестяще. Да, кое-кто из их круга в Западном Хартфорде стал относиться к ней с прохладцей, но Хелен это ничуть не смущало. Она всей душой верила в мужа, защищающего Уолли, и в право Уолли на защиту. Она чувствовала, что каждая ее фотография – рядом с Джимом в ресторане, в аэропорту, на выходе из такси, в идеально сидящих костюмах, коктейльных платьях, широких брюках – попадала в нужную ноту. Достоинство, с которым держались Джим и Хелен Бёрджесс, придали серьезность и вес тому цирку, который творился вокруг Уолли Пэкера. Она и тогда считала так, и теперь.

И до чего же было интересно!.. Хелен вытянула ступни. Они с Джимом засиживались допоздна, когда дети уже ложились спать, и говорили, говорили. Обсуждали, что происходило в тот день в суде. Он интересовался ее мнением, она отвечала. Они были партнерами, они были в сговоре. Слыша предположения, что этот суд может стать испытанием для их брака, Джим и Хелен еле

сдерживали смех. Им хотелось сохранить в секрете, что на самом деле все ровно наоборот. Хелен потянулась, открыла глаза. Она – его единственная. Сколько раз за тридцать лет он шептал ей об этом?

Хелен собрала вещи и пошла обратно в номер. Возле крокетной лужайки она увидела маленький водопад – струи воды, журча, сбегали с каменной горки. На лужайке играла пара. Женщина в длинной белой юбке и голубой блузе с негромким «тук» била молоточком, и мяч катился по зеленой траве. Хелен казалось, что тропические цветы и голубое небо шепчут всем, кто приехал сюда: «Будьте счастливы, счастливы, счастливы». И мысленно она отвечала им: «Спасибо, непременно».

Она услышала его еще у двери, не войдя в номер.

– Ты гребаный идиот, Боб! – Муж повторял это снова и снова. – Ты гребаный идиот! Ни на что не годный гребаный идиот!

Хелен вставила ключ в замок.

– Джим, прекрати.

Он обернулся с багровым лицом и резко махнул рукой сверху вниз, как если бы был готов ударить ее, подойди она ближе.

– Ты гребаный идиот, Боб! Ни на что не годный гребаный идиот!

На голубой рубашке для гольфа темнели мокрые пятна, по лицу катился пот. Джим все орал и орал в телефон.

Хелен села по ту сторону стола с вазой лимонов. Во рту у нее пересохло. Она смотрела, как муж швыряет телефон на кровать и продолжает сыпать бранью. «Идиот! Вот ведь гребаный идиот!» В памяти промелькнуло, как Боб рассказывал про своего соседа, всегда кричавшего жене одно и то же. «Ты мне нахер мозг выносишь», вроде бы так он кричал. Прежде чем его увели в наручниках. И вот она, Хелен, замужем за таким же человеком.

На нее снизошло странное спокойствие. Она думала: прямо передо мной стоит ваза с лимонами, и все же разум мой отказывается объять идею, что это ваза с лимонами. А разум отозвался на это: чего ты хочешь от меня, Хелен? Спокойствия. Я хочу сохранять спокойствие.

Джим колотил себя кулаком по ладони, нарезая круги по комнате. Хелен сидела без движения. Наконец он спросил:

– Желаете знать, что случилось?

– Я желаю, чтобы ты больше никогда так не кричал, – ответила Хелен. – Вот что я желаю. Потому что в противном случае я выйду отсюда и улечу обратно в Нью-Йорк.

Он сел на кровать и утер лицо рубашкой. Сухим тоном доложил, что Боб чуть не переехал сомалийку. Что из-за Боба на газетной передовице оказалась фотография улыбающегося Зака. Что Боб до сих пор даже не поговорил с Заком. Что Боб отказывается садиться за руль, что он намерен лететь в Нью-Йорк, а их машину оставить в Мэне, и что на вопрос Джима, как он собирается ее возвращать, Боб ответил: «Не знаю, я ее не поведу, я вообще больше никогда не сяду за руль, я лечу домой сегодня вечером, а твоему Чарли Тиббеттсу придется делать свою работу без меня».

– Так что, – ровным голосом закончил Джим, – он просто гребаный идиот.

– Он человек, получивший сильную психологическую травму в четырехлетнем возрасте. Я очень удивлена и очень неприятно поражена тем, что ты не понимаешь его нежелания садиться сейчас за руль. Хотя с его стороны и правда большая глупость ухитриться сбить сомалианку.

– Сомалийку.

– Что?

– Сомалийку. Не сомалианку.

Хелен вскинулась:

– Ты считаешь уместным сейчас меня поправлять?

– Милая... – Джим на секунду прикрыл глаза, и выглядело это очень снисходительно. – Боб испортил все что мог, и раз уж нам придется поехать туда, чтобы навести порядок, тебе стоит знать, как говорить правильно.

– Я туда не поеду.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Хелен вдруг испытала сильнейшую зависть к паре, играющей в крокет, к женщине в длинной белой юбке, развевающейся на ветру. А ведь совсем недавно в этой комнате она ждала Джима, ждала его взгляда...

Джим на нее не смотрел. Он смотрел в окно, солнечные лучи падали на его профиль, подчеркивая голубизну глаз. И вдруг его жесткое лицо обмякло.

– Ты знаешь, что он сказал мне, когда я добился оправдания Уолли? – Джим на секунду повернулся к Хелен и снова стал смотреть в окно. – Он сказал: «Джим, это было блестяще. Блестящая защита. Но ты забрал у этого человека его судьбу».

Солнце беззастенчиво жарило в окна. Хелен посмотрела на вазу с лимонами, на журналы, которые горничная веером разложила на столе. Посмотрела на мужа, который сидел на краю кровати, опираясь локтями на колени, на его мокрую от пота мятую рубашку. И уже протянула к нему руку, собираясь сказать: «Ах, милый, давай попробуем ни о чем не думать, попробуем отдохнуть, пока мы здесь». Но тут он обернулся к ней и так скривился, что Хелен подумала: встретить она этого человека на улице, не узнала бы в нем своего Джима.

– Вот что он сказал мне, Хелен.

Джим встал и посмотрел на нее умоляюще. Он скрестил руки на груди, касаясь ладонями противоположных плеч. Их старинный тайный знак. Но Хелен то ли не смогла, то ли не захотела – она и сама не знала ответа на этот вопрос, – словом, она проигнорировала просьбу подойти и обнять его.

Это была истинная правда. Он бестолочь. Боб сидел без движения на диване у Сьюзан. «Ты всегда был бестолочью!» – проорала ему Сьюзан, прежде чем уехать. Пришла несчастная собака, ткнулась длинной мордой под колено.

– Ничего, ничего, – тихо сказал ей Боб, и собака улеглась у его ног.

Боб посмотрел на часы. Еще не было и полудня. Он осторожно вышел на заднее крыльцо, опустился на ступеньку и закурил. Ноги по-прежнему дрожали. Резкий порыв ветра сорвал с клена желтые листья, принес под крыльцо. Боб затушил об них сигарету, зажег другую, трясущейся ногой сгреб листья в кучку. Перед домом притормозила машина и свернула на подъездную дорожку.

Машина была маленькая, неновая, с низкой посадкой. Женщина за рулем казалась высокой; когда она вылезала, ей пришлось как следует пригнуться. На вид ровесница Боба. Очки у нее висели на кончике носа, мелированные русые волосы, кое-как собранные на затылке, скрепляла заколка. Она была одета в мешковатое пальто из какого-то черно-белого твида, и в ней чувствовалось что-то знакомое – что-то такое, что Боб иногда чувствовал в людях из Мэна.

– Здравствуйте! – Женщина направилась к Бобу, поправляя на носу очки. – Я Маргарет Эставер. Вы дядя Зака? Нет-нет, не вставайте. – И, к удивлению Боба, села рядом с ним на ступеньку.

Он затушил сигарету, протянул руку, и женщина пожала ее, хотя обмениваться рукопожатием, сидя рядышком на крыльце, было довольно неудобно.

– Вы подруга Сьюзан?

– Хотелось бы... Я священница унитарной церкви. – Добавила еще раз: – Маргарет Эставер.

– А Сьюзан на работе.

Маргарет Эставер кивнула, будто и сама об этом догадывалась.

– Полагаю, она вряд ли бы мне обрадовалась, но все-таки... все-таки решила заглянуть. Она, наверное, очень расстроена.

– Да, очень. – Боб полез за очередной сигаретой. – Я прошу прощения, вы не возражаете?

Она махнула рукой:

– Я сама раньше курила.

Он зажег сигарету, расставил колени и оперся на них локтями, чтобы скрыть, что ноги у него дрожат. Дым он старался выдохнуть в сторону.

– Я вдруг очень ясно поняла сегодня утром, – проговорила Маргарет Эставер, – что должна протянуть руку помощи Заку и его матери.

Боб, прищурясь, покосился на ее живое лицо.

– Знаете, я еще больше напортачил, – признался он. – Одна сомалийка думает, что я хотел ее переехать.

– Я слышала.

– Уже?! – Боба вновь охватил страх. – Я нечаянно. Честное слово.

– Конечно, я понимаю.

– Я звонил в полицию. Говорил с копом, с которым вместе учился в старших классах. Не с Джерри О'Хейром, с ним я тоже учился. С другим, с Томом Левеском. Он дежурил в участке. Он сказал не беспокоиться.

На самом деле Том Левеск сказал, что все эти сомалийки долбанутые. «Забудь. Они просто нервные как не знаю кто. Забудь, короче».

Маргарет Эставер вытянула ноги, скрестила лодыжки. Боб рассматривал ее ступни в темно-синих сабо. Носки у нее были темно-зеленые. Эта картинка

запечатлелась в сознании Боба, а Маргарет меж тем поясняла:

– Сомалийка не утверждает, что вы ее сбили. Только что якобы пытались сбить. Она не станет заявлять на вас, никаких последствий не будет. Многие сомалийцы не доверяют властям, сами понимаете. А сейчас они особенно болезненно на все реагируют.

Ноги у Боба по-прежнему дрожали. Даже пальцы тряслись, когда он подносил сигарету ко рту. А Маргарет продолжала:

– Я слышала, Сьюзан уже несколько лет воспитывает Зака одна. Я сама из неполной семьи и знаю, что это несладко. Многие сомалийки тоже растят детей без отцов, но у них, как правило, есть сестры, тетки, старшие дети. А Сьюзан, видимо, очень одинока.

– Так и есть.

Маргарет кивнула.

– Говорят, у вас тут намечается демонстрация, – сказал Боб.

Маргарет снова кивнула:

– Да. Через несколько недель, как Рамадан закончится. Это будет демонстрация в поддержку толерантности. В парке. Мы ведь самый «белый» штат в стране, вы, наверное, знаете.

С легким вздохом она подтянула колени к груди и обхватила их руками. В этом жесте было что-то юношеское, непосредственное, и Боб почему-то удивился. Она повернула голову и посмотрела на него:

– Сами понимаете, мы несколько отстаем по части культурного разнообразия.

У нее был легкий акцент, свойственный уроженцам Мэна, этакая знакомая его уху сухая неправильность.

– Зак не чудовище, просто в жизни парню не повезло... У вас есть дети?

– Нет.

«Она лесбиянка, – произнес голос Джима у Боба в голове. – Женщина-священник».

– У меня тоже. – Боб потушил сигарету. – Хотя мне хотелось.

– Мне тоже. Всегда. Я верила, что однажды они у меня будут.

«Ах, как неловко!» – саркастично заметил голос Джима.

А Маргарет продолжила более энергичным голосом:

– Я не хочу, чтобы Сьюзан подумала, будто эта демонстрация направлена против нее и Зака. Меня немного беспокоит, что кое-кто из местного духовенства пытается привнести этот вот настрой «против». Против насилия, против нетерпимости к религиозным различиям. В целом они правы. Однако пусть осуждением и вынесением приговора занимается закон. Духовенство должно воодушевлять. Разумеется, высказывать свою позицию, но в первую очередь воодушевлять. Вы, наверное, считаете, что это очень плоско...

«Плоско... Слова-то какие...»

– Я вовсе не считаю, что это плоско, – заверил ее Боб.

Маргарет Эставер встала. Боб смотрел на ее встрепанную шевелюру и широкое пальто, и на ум ему пришло словосочетание «через край». Он тоже встал. Он был выше, несмотря на ее высокий рост. Когда она опустила голову, что-то ища в кармане, Боб заметил седые корни ее волос. Она протянула ему визитку:

– Можете звонить в любое время. Я серьезно.

Боб еще долго стоял на заднем крыльце. Потом вошел в дом и сел в холодной гостиной. Он думал о том, как Зак плачет у себя в комнате. О том, как Сьюзан кричит. О том, что ему лучше остаться. Но внутри у него бурлила тьма. Ты ни на что не годный гребаный идиот.

Когда оператор назвал ему сумму, в которую обойдется такси из Ширли-Фоллз в аэропорт Портленда, Боб сказал, что ему плевать.

– Подайте машину как можно скорее, пожалуйста. К заднему крыльцу. Я буду ждать там.

Книга вторая

1

Центральный парк утопал в спокойных осенних красках: приглушенная зелень травы, бронзовые дубы, нежно-желтые кроны лип, рыжие листья кленов – вот один плывет по воде, другой кружится в воздухе. Но небо было ярко-голубым, а воздух теплым, и окна ресторана «Лодочный домик» у озера в этот вечерний час оставались открытыми; над водой простирались полосатые навесы. Пэм Карлсон сидела у барной стойки и наблюдала за тем, как взмахивают веслами люди в немногочисленных лодках. Все вокруг напоминало ей замедленную съемку, даже бармены, которые работали с неспешной уверенностью – мыли бокалы, смешивали мартини, вытирали руки о черные фартуки.

А потом вдруг раз – и в баре стало многолюдно. В двери хлынула целая толпа: бизнесмены, на ходу снимающие пиджаки, женщины, встряхивающие волосами, слегка ошарашенные туристы – мужчины несли рюкзаки с бутылками воды в сетчатых боковых кармашках, как будто весь день лазали по горам, а за ними шли растерянные жены с картами и фотокамерами.

– Нет, тут сидит мой муж, – сказала Пэм, когда немецкая пара попыталась забрать высокий стул, стоящий рядом с ней. Положив на стул сумочку, она добавила: – Извините.

Годы жизни в Нью-Йорке многому ее научили. Например, искусству параллельной парковки или тому, как заставить таксиста, у которого закончилась смена, отвезти тебя куда надо, или тому, как вернуть в магазин

товар, который возврату не подлежит, или тому, как твердо и решительно произнести: «Тут очередь!» – когда кто-то пытается бесцеремонно прорваться к окошку на почте. На самом деле жизнь в Нью-Йорке, думала Пэм, копаясь в сумочке в поисках телефона, чтобы узнать, который час, это блестящая иллюстрация древней мудрости, известной величайшим генералам в истории, – побеждает тот, кому больше всех надо.

– «Джек Дэниэлс» со льдом и лимоном, – сказала она бармену, постучав по стойке рядом со своим бокалом вина, к которому не успела притронуться. – Для моего мужа. Спасибо.

Боб, как всегда, опаздывал.

Ее настоящий муж должен был вернуться домой лишь через несколько часов, сыновья ушли на футбольную тренировку, и никого из них не волновало, что она встречается с Бобом. Дети называли его «дядя Боб».

Пэм пришла в бар сразу из больницы, где по две смены в неделю работала администратором в приемном покое. Ей бы хотелось пойти вымыть руки, но она понимала, что если встанет, место тут же займут немцы. Ее подруга Дженис Бернстайн – которая когда-то училась в медицинском институте, но бросила – говорила Пэм, что после работы нужно первым делом мыть руки, ведь больницы – это буквально чашки Петри для всяких бактерий, и Пэм была с ней полностью согласна. Несмотря на частое использование обеззараживающего лосьона (от которого сохла кожа), мысль о притаившихся микробах заставляла Пэм нервничать. Дженис говорила, что Пэм вообще слишком много нервничает, надо как-то себя контролировать – не только ради собственного комфорта, но и чтобы не выглядеть навязчивой, это не круто. Пэм отмахивалась – мол, в ее возрасте уже не принято волноваться о том, что круто, а что нет; впрочем, положила руку на сердце, это ее волновало. В том числе и поэтому она всегда с удовольствием общалась с Бобби, уж он-то был насколько не

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Орентал Джеймс Симпсон – знаменитый игрок в американский футбол, которого в 1994 г. обвинили в убийстве жены и ее любовника. В итоге Симпсона оправдали – согласно распространенному мнению, лишь благодаря мастерству его адвокатов из т. н. «команды мечты». – Здесь и далее примеч. перев.

2

Стербридж-Виллидж – музей под открытым небом, посвященный быту Новой Англии на рубеже XVIII–XIX вв.

3

«Мокси» – безалкогольный газированный напиток, символ штата Мэн.

4

Последнюю смертную казнь в Техасе до введения моратория провели с ошибкой, в результате чего казнимый оставался в сознании около двадцати минут вместо обычных трех-пяти, и смертельная инъекция была сделана ему повторно. От первого укола до смерти прошло тридцать четыре минуты.

Купить: <https://telnovel.com/ru/elizabet-straute/mal-chiki-berdzhessy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)